

Спасский А. А. Эллинизм и христианство. (История религиозно-литературной полемики между эллинизмом и христианством в раннейший период истории христианской религии) [I. «Октавий» Минуция Феликса как первый полемический опыт] (Продолжение.) //Богословский вестник 1911. Т. 2. № 6. С. 298–335 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ЭЛЛИНИЗМЪ И ХРИСТИАНСТВО.

(Исторія литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ въ раннѣйшій періодъ исторіи христіанской религіи).

(Продолженіе).

3. Минуція Феликса апологія христіанства.—Космологическое доказательство бытія Божія.—Возврънція древнихъ философовъ на начало сущаго и его согласіе съ христіанскимъ ученіемъ.—Обличеніе язычества: естественное человѣческое происхожденіе боговъ; характеристика римскихъ боговъ и ихъ значеніе для римскаго государства; гаданія и оракулы.—Демонологія и ея значеніе въ религіозномъ міросозерцаніи христіанъ—Апологія христіанства; опроверженіе обвиненій христіанскаго общества въ развратъ и преступленія, совершаемыхъ на ихъ богослужебныхъ собранія; защита ихъ отъ упрека въ отсутствіи храмовъ и изображеній Божества; ученіе христіанъ о концѣ міра и будущей жизни и апологія его; протестъ противъ ученія о судьбѣ и опроверженіе всѣхъ другихъ обвиненій, предъявляемыхъ противъ христіанъ.—Характеристика Минуція Феликса, какъ апологета.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ аргументовъ, при помощи которыхъ Октавій (за которымъ, несомнѣнно, скрывается Минуцій Феликсъ) стремится защитить христіанство противъ обличительной рѣчи Фронтоня. Какъ и слѣдовало ожидать, апологетическая рѣчь Октавія въ своемъ логическомъ порядкѣ распрѣдѣляется по тѣмъ же самымъ пунктамъ, по тому же литературному плану, въ какомъ построитъ свое обличеніе и Фронтонъ. Исходнымъ пунктомъ для Октавія, какъ и для Цецлія (Фронтоня) является космологическій вопросъ, и если въ устахъ языческаго оратора разсмотрѣніе міротворенія и судьбы людей влечетъ за собою не только отрицаніе всякой возможности познанія Божественнаго существа, но и къ отрицанію всякаго бытія Его, такъ

Творца, Художника и Промыслителя, то точка опоры космологическаго доказательства бытія Божія у Октавія лежить совсѣмъ въ другой области. Онъ согласенъ съ Цицліемъ, что прежде всего нужно изслѣдовать, откуда произошелъ человѣкъ, сложился-ли онъ изъ элементовъ, изъ сѣбленія атомовъ, или сотворенъ, образованъ и получилъ душу отъ Бога? И по его убѣжденію познать человѣка нельзя, не изслѣдуя всей совокупности предметовъ, поскольку въ природѣ все связано и находится въ неразрывномъ единствѣ. Но при разсматриваніи природы и обезужденіи міропорядка исходнымъ пунктомъ и руководящимъ мотивомъ у него служить не тварная натура и не этотъ земной обиходъ, лишенный самостоятельнаго бытія и жизни, а то, что лежитъ въ основѣ его. Нужно сначала тщательно изслѣдовать *божественную природу*, а затѣмъ уже возможнымъ окажется и понять человѣческое существо. Человѣкъ уже по самому своему физическому устройству предназначенъ къ познанію Божества; отъ всѣхъ животныхъ, наклоненныхъ къ землѣ и ничего неспособныхъ видѣть, кромѣ птицы, человѣкъ отличается тѣмъ, что, имѣя лицо, обращенное впередъ, и взоръ, устремленный на небо, онъ одаренъ способностью говорить и умомъ, при помощи котораго онъ познаетъ Бога, чувствуетъ Его, подражаетъ Ему и созерцаетъ небесную красоту, поражающую его глаза ¹⁾. Люди, думающіе, что весь этотъ благоустроенный міръ создалъ не божественнымъ разумомъ, а составился изъ извѣстныхъ частей, соединившихся между собой безъ всякой цѣли, не имѣютъ ни разума, ни мысли, ни даже глазъ ²⁾. Что можетъ быть яснѣе (*apertum*), очевиднѣе и достовѣрнѣе (*tam perspicuum*) той истины, когда человѣкъ поднимаетъ глаза на небо (*cum oculos in caelum suspexerit*) и разсматриваетъ, что надъ нимъ и подъ

¹⁾ Cicero, de nat. deor., cit. edit. II, 56, p. 84: „Провидѣніе природы произведенныхъ изъ земли людей создало высокими и прямыми, чтобы они созерцая небо, могли понять мысль боговъ; происшедшіе изъ земли люди не суть только насельники и обитатели ея, но являются какъ бы созерцателями высшихъ и небесныхъ вещей, каковое созерцаніе недоступно бездушнымъ существамъ“.

²⁾ Cicero, cit. op. II, 59, p. 81: „кто не созерцаетъ совершеннаго божественнаго промысленія, тотъ кажется лишеннымъ души и мысли, разсужденія и благородства“.

нимъ,—истины, что дано нѣкоторое существо превосходнѣйшаго разума (*aliquod numen praestantissimae mentis*), которымъ вся природа проникается, одушевляется, движется и управляется ¹⁾. Посмотри на самое небо, какъ оно широко раскинулось: посмотри на него ночью, когда оно испещрено звѣздами или днемъ, когда оно сіяетъ лучами солнца, и ты убѣдишься въ какомъ равновѣсїи держитъ Его верховный Разумъ: обрати вниманіе на то, какъ отъ движенія солнца происходитъ годъ, и какъ луна, то прибывая, то убывая, пзмѣняетъ мѣсяць ²⁾. Но пусть астрономы подробно разсуждаютъ о звѣздахъ, какъ они управляютъ движеніемъ мореплавателей и опредѣляютъ время сѣянія и жатвы: важно то, что все это не только не могло произойти и прїйти въ порядокъ безъ верховнаго художника, безъ совершеннѣйшаго Разума, но даже не можетъ быть воспринято, изслѣдовано и постигнуто безъ величайшаго усилія и дѣятельности Разума ³⁾. Обрати вниманіе на море,—оно ограничено закономъ берега: посмотри, что всѣ растенія получаютъ жизнь изъ внутреннихъ земли... Что сказать о разнообразїи защиты животныхъ другъ противъ друга? Одни изъ нихъ вооружены рогами, другіе снабжены острыми зубами, четвертые имѣютъ острое жало; одни укрываются скоростью своего бѣга, другіе быстротой ⁴⁾. Не усматривается ли изъ

1) Cicero, cit. op. I, 2; p. 43 44. „Что можетъ быть яснѣе (*apertum*) и достовѣрнѣе (*perspicum*), когда поднимаемъ глаза къ небу (*cum caelum suspeximus*) и созерцаемъ все небесное (той истины), что дано нѣкоторое существо превосходнѣйшей мысли (*aliquod numen praestantissimae mentis*), которой все управляется“.

2) Ср. Cicero, II, 7; p. 48: „какимъ образомъ земля въ одно время процвѣтаетъ, въ другое подвергается колебаніямъ, и какъ, если свѣтила сами по себѣ неподвижны, совершается восходъ и заходъ солнца, солнцестояніе, восходъ и заходъ луны? кто можетъ соединить въ единство всѣ эти различныя звѣзды. Такого совершенно стройнаго во всѣхъ своихъ частяхъ міра и не могло бы быть, если бы всѣ эти части не содержались божественнымъ и повсюду разлитымъ духомъ“.

3) Cicero, *ibid*, II, 31; p. 75: „таково описаніе звѣздъ; развѣ какая-нибудь природа, лишепная мысли и разума, могла произвести все это, что не только нуждается въ разумѣ, чтобы получить бытіе, но и безъ высшаго разума не можетъ быть понята (и въ томъ отношенїи), какова она (по своимъ качествамъ)“.

4) Этими своими зоологическими позваніями Минуцій Фелпксъ, вѣроятно, обязанъ тому же Цицерону (*ibid*, II, 50; p. 80) также и то паблюдаемъ

этого пропорціонально устроеннаго міра, что Богъ есть художникъ ¹⁾ (с. XVI).—Но Богъ промышляетъ не только о цѣломъ, но и о частяхъ (*non universitate solum modo, sed et partibus consulit* ²⁾); такъ напр. Нилъ умѣряетъ сухость Египта, Евфратъ удобряетъ почву Месопотаміи; Индъ увлажняетъ и дѣлаетъ плодородными страны востока ³⁾. Когда ты, входя въ какой-либо домъ, видишь повсюду вкусъ, порядокъ и красоту, то не подумаешь-ли ты, что имъ управляетъ хозяинъ и что онъ несравненно прѣвосходнѣе, чѣмъ всѣ эти блага,—Господь и Отецъ всего ⁴⁾.

Итакъ, весь видимый космосъ, проникнутый какъ въ общемъ своемъ строѣ, такъ и во всѣхъ своихъ частныхъ проявленіяхъ стройностью, гармоничностью и цѣлесообразностью свидѣтельствуеть о томъ, что данъ высшій Разумъ, верховный Архитекторъ, который проищаетъ, движетъ, сохраняетъ и на-

---

у животныхъ, что каждое изъ нихъ награждено своими орудіями противъ насилія и боязни; быкъ рогами, боровъ клыками, львы укушеніемъ: одни спасаются бѣгствомъ, другіе скрываются отъ враговъ; многіе отгоняютъ невыносимымъ, выпускаемымъ ими, запахомъ.

¹⁾ Ср. Cicero., *ibid.* II, 85, p. 67. „Такъ и философы; хотя первое наблюдение надъ міромъ и приводило ихъ въ смущеніе, но потомъ, когда они созерцали опредѣленные и уравновѣшенные движенія и весь пропорціонально упорядоченный и неизмѣняемый составъ міра, оказывались въ необходимости повѣять, что этому небесному и божественному дому присущъ не только обитатель, но правитель, устроитель и художникъ.

²⁾ Cicero., *ibid.* II, 65; p. 80. „Безсмертные боги обыкновенно промышляютъ и заботятся (*consiliunt*) не только о всемъ человѣческомъ родѣ (*non universi hominum solum*), но и о частностяхъ (*sed etiam singulis*).

³⁾ Cicero., *ibid.* II, 53; p. 81: „Египетъ орошаетъ Нилъ, Месопотамію дѣлаетъ плодородной Евфратъ, Нилъ же, величайшая изъ всѣхъ рѣкъ, не только дѣлаетъ плодородными и размягчаетъ поля, но и обсмѣняетъ ихъ, надѣляя (ихъ) великой силой обсмѣвенія, подобнаго себѣ оплодотворенія“.

⁴⁾ Cicero., *ibid.* II, 5, p. 47. „Такъ если кто входитъ въ какой-либо домъ, гимнастическое училище или на форумъ и видитъ разумность, порядокъ и стройность всѣхъ вещей, то не можетъ думать, что все это произошло безъ причины, а напротивъ долженъ понимать, что данъ иѣкто предсуществующій, кому это все подчиняется; тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ столь великимъ движеніямъ и измѣненіямъ (какія наблюдаются въ міровомъ космосѣ) и упорядоченія столь многихъ вещей, которымъ никоимъ образомъ не можетъ быть вмѣнена устарѣлость, необходимо утверждать, что столь великія движенія природы управляются вѣчнымъ разумомъ“.

правляетъ всю природу.—Въ полномъ согласіи съ этимъ результатомъ стоитъ и христіанское ученіе о Богѣ. Очевидно, Богъ Отецъ всѣхъ вещей, не имѣетъ ни начала, ни конца: всему давая начало, Онъ Самъ вѣченъ, Онъ былъ прежде міра, Самъ будучи для себя міромъ. Онъ несущее вызвалъ къ бытію своимъ Логосомъ, привелъ порядокъ своимъ разумомъ, совершилъ свою силу: Его нельзя видѣть. Онъ слѣпкомъ величествененъ, выше чувствъ, безконеченъ, неизмѣримъ и во всемъ своемъ величій извѣстенъ только Самому Себѣ. И единственно имя, какое выражаетъ все Его существо есть Бѣгъ. Весь народъ, простирая руки къ небу, не употребляетъ другого имени, кромѣ „Бога“, взывая: „великъ Богъ, Богъ истинный“ (с. XVIII) ¹⁾.

Да и сами эллины въ лучшихъ выразителяхъ ихъ религіознаго сознанія не провѣдовали-ли о томъ единомъ Богѣ, о Которомъ учатъ христіане. Такъ они именуютъ верховнымъ владыкой Юпитера и, хотя заблуждаются касательно имени, но въ вопросѣ о единствѣ власти они согласны съ христіанами ²⁾. Что можетъ быть яснѣе и справедливѣе словъ мантуанскаго поэта Марона, утверждающаго, что изначала разумъ приводитъ въ движеніе и духъ животворить небо: отсюда произошелъ человѣческій родъ, всѣ народы и скоты... Богъ прошикаетъ повсюду,—утверждаетъ онъ,—на землѣ, въ морѣ и глубинѣ небесной: отъ Него получаютъ бытіе и люди, и животныя, отъ Него огонь и дождь ³⁾. Не такъ ли точно и христіане называютъ Бога умомъ, разумомъ, духомъ. А ученія философовъ?—Не всѣ-ли они были прошикнуты христіанскимъ духомъ? Такъ Фалесъ Милетскій, первый, начавшій

¹⁾ Ср. Cicero, *ibid.* I, 16; p. 21: „гдѣ существуетъ племя или родъ человѣческій, который бы безъ всякаго наученія не имѣлъ нѣкотораго предчувствія о богахъ... Такъ какъ эта мысль не установлена никакимъ учрежденіемъ, ни закономъ, то остается согласіе всѣхъ. Необходимо поэтому признавать, что мысль о богахъ или всѣяна или врождена нашему уму. Въ чемъ согласны всѣ народы, то необходимо должно быть истиннымъ; итакъ, должно признавать боговъ.“

²⁾ Cicero, *cit. op.* II, 2; p. 44 (Евній): „воззри на это возвышенное блестящее (солнце) отца боговъ и людей, Юпитера, правителя и господина всего, своимъ мановеніемъ управляющаго всѣмъ, всегда сущаго и всемогущаго бога“.

³⁾ Поэтъ, известный только христіанскимъ писателямъ, но мысли, выдаваемые подъ его именемъ, не были необычными для того времени.

разсуждать о вещахъ небесныхъ, началомъ вещей считалъ воду (*rerum initium aquam dicit*), а Бога тѣмъ разумомъ, который образовалъ изъ воды все существующее (*deum autem eam mentem, quae ex aqua cuncta formaverit*) ¹⁾. Мысль о водѣ и воздухѣ,—замѣчаетъ Минуцій,—слишкомъ глубокая и возвышенная, чтобы могла быть изобрѣтена человекомъ; она передана Богомъ и совершенно согласна съ христіанскимъ ученіемъ. Датѣ Анаксименъ ²⁾, а послѣ него Діогенъ аполлонійскій ³⁾ считали Бога духомъ безконечнымъ и неизмѣримымъ (*aera deum statuunt infinitum et immensum*). И это мнѣніе двухъ философовъ о божествѣ подобно христіанскому ученію. У Анаксагора именуется богомъ распределение и движеніе безконечной мысли (*descriptio et motus mentis*) ⁴⁾. По Пифагору Богъ есть духъ, разлитый и проникающій всю природу вещей, изъ которой получается все одушевленное (*animus per universum rerum naturam commineans et intentus, ex quo etiam animalium omnium vita capiatur*) ⁵⁾. Известно, что Ксенофанъ все безконечное, имѣющее разумъ, считалъ Богомъ (*infinitum cum mente deum tradere*) ⁶⁾, Антистенъ же говорилъ, что хотя много боговъ, но въ естественномъ и собственномъ смыслѣ дагъ одинъ (*populares deos multos, sed naturalem unum*) ⁷⁾. Слѣзвннхъ призывалъ Бога оду-

1) Cicero, *ibid.* I, 10; p. 15. Фалесъ Милетскій, первый, разсуждавшій о такихъ вопросахъ (о началѣ бытія) воду называлъ началомъ вещей (*aquam dicit initium rerum*), Бога же называлъ разумомъ (*deum autem eam mentem*), который изъ воды (*quae ex aqua*)—*fingeret* (вылѣпилъ=образовалъ) все сущее (*cuncta*).

2) Cicero, *ibid.* I, 10, p. 16. „Анаксименъ Бога считалъ воздухомъ (*aera deum statuit*) и (утверждалъ) что Онъ пребываетъ въ безконечномъ, неизмѣримомъ (*immensum et infinitum*) и постоянномъ движеніи“.

3) *Ibid.* I, 12, p. 17. „Что? воздухъ, который Діогенъ именуетъ богомъ, что иное можетъ обозначать собой, какъ не форму Бога?“

4) *Ibid.*, I, 11, p. 16: Анаксагоръ первое всѣхъ вещей распределение и движеніе мысли (*descriptionem et motum mentis infiniti*) хотѣлъ обозначить и понять, какъ божественную силу и разумъ.

5) Cicero, *ibid.*: По Пифагору (Богъ) есть духъ, разлитый и проникающій всю природу (*animus per naturam rerum omnium intentus et comminans*), изъ котораго извлекаются наши души.

6) Cicero, *cit. op.* I, 11, p. 16: „Ксенофанъ все, соединяемое съ мыслию (*mente*), что является безконечнымъ (*infinitum*), желаетъ, чтобы оно было богомъ“.

7) Cicero, *Ibid.*, I, 13, p. 17: Антистенъ, хотя и призывалъ многихъ бо-

псевляющей силой, управляющей всѣмъ міромъ (*vim animatum, qua omnia regantur*) ¹⁾. Что же Демокритъ первый изобрѣтатель ученія объ атомахъ?—не называлъ-ли онъ Богомъ природу, посылающую намъ образы предметовъ и умъ, принимающій ихъ (*naturam, quae imagines fundat... et intelligentiam*) ²⁾. Стратонъ также называетъ природу Богомъ ³⁾, а Эпикуръ, представлявшій боговъ праздными или вовсе не признававшій ихъ бытіе, поставлялъ, однако, выше всего природу ⁴⁾. Аристотель, хотя и говорилъ различно, однако всегда держался мысли о единой власти и называлъ Бога то разумомъ, то міромъ или же подчинялъ міръ Богу (*Aristoteles variet interim mente, mundum interim deum dicit interim mundum deum praeficit*) ⁵⁾. Гераклитъ Понтийскій также приписываетъ Богу высшій разумъ, хотя и различнымъ образомъ ⁶⁾. Теофрастъ, Зенонъ, Хризиппъ и Клеанъ, хотя расходились между собою во мнѣніяхъ, однако единогласно признаютъ единство провидѣнія. Клеанъ называетъ божество то умомъ, то духомъ, то эфиромъ, по большей же частіи разумомъ (*mentem, modo animum, modo aethera, plerumque rationem deum disseruit*) ⁷⁾. Наставникъ его Зенонъ началомъ всего полага-

---

говъ (*populares deos multos*), но превозносилъ одну естественную силу (*unam naturalem vim*) и природу боговъ.

1) Cicero., *ibid.* Спеванпъ... говорятъ о силѣ, которой все управляется, и при томъ духовной.

2) Cicero., *ibid.* I, 12, p. 77: Демокритъ, то фигуры атомовъ и взаимоотношеніе элементовъ относитъ къ числу боговъ, то природу посылающую образы предметовъ (*naturam quae imagines fundat et mittat*), то наше знаніе и пониманіе (*tum scientiam et intelligentiam nostram*)^{*}.

3) Cicero., *ibid.* I, 13, p. 18: „Стратонъ... думаетъ, что вся божественная сила всѣяна въ природу.

4) Cicero., *ibid.* I, 20, p. 26: Эпикуръ училъ, что природа содѣлала міръ.

5) Cicero., *ibid.* I, 13; p. 17, 18. Аристотель въ своей третьей книгѣ о философіи многое приводитъ въ замѣшательство; то разуму вмѣняетъ все божество (*modo mente tribuit omnem divinitatem*), то называемъ міръ самимъ Богомъ (*modo mundum ipsum deum dicit esse*), то подчиняетъ его (міръ) кому-то иному.

6) Cicero., *ibid.* I, 13 p. 18. Понтикъ Гераклитъ считаетъ (Бога) то міромъ, то божественнымъ разумомъ (*mentem divinam*), то приписываетъ божественную силу движущимся звѣздамъ; небо и землю относитъ къ богамъ.

7) Cicero., *ibid.* I, 14; p. 19. „Клеанъ... то называетъ богомъ этотъ міръ, то вмѣняетъ это или разуму, или духу (*mente atque animo*), то на край-

еть естественный божественный законъ (*naturalem legem*), называемый то эфиромъ (*et aethero interim*), то разумомъ (*interimque et rationem*)¹⁾. Но при всемъ сходствѣ въ своихъ воззрѣніяхъ на начало бытія съ христіанскими, Зенонъ и Хрисиппъ начинаютъ обличать и самое язычество. Когда Зенонъ утверждаетъ, что Юнона—воздухъ, Юпитеръ—небо, Нептунъ—море, Вулканъ—огонь и прочихъ боговъ возводитъ къ элементамъ, онъ обличаетъ и сильно подрываетъ общее заблужденіе. Подобнымъ образомъ и Хрисиппъ, хотя считаетъ богомъ то разумную силу (*vim divinam*), то міръ (*mundum*), то фатальную необходимость (*fatalem necessitatem*), но въ физиологическомъ объясненіи грѣсней Гезіода, Гомера и Орфея подражалъ Зенону. Діогенъ вавилонскій излагаетъ цѣлую систему для изъясненія происхожденія Юпитера, рожденія Минервы и прочихъ (*Jovis partum et ortum Minervae*)³⁾. Ученикъ Сократа Ксенофанъ говоритъ, что образъ бытія истиннаго Бога для человѣческаго познанія недоступенъ и потому не должно стремиться познать его⁴⁾. Аристотель Хіос-

нихъ предѣлахъ лежащую, высочайшую... и все опоясывающую атмосферу (эфиръ) именуешь самымъ истиннымъ богомъ“.

1) Cicero, *ibid.* I, 14 p. 18. 19. Зенонъ естественный законъ признаетъ божественнымъ (*naturalem legem divinam esse censet*); въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что эфиръ есть Богъ (*aethera deum dicit esse*); въ иныхъ книгахъ (считаетъ богомъ) разумъ (*rationem*). Когда же истолковываетъ теологію Гезіода, изгоняетъ обычныя и общепринятыя представленія о богахъ; ни Юпитера, ни Юнону, ни Весту, никого изъ тѣхъ, кто именуется богомъ, не зачисляетъ въ ряды боговъ, а учитъ, что всѣ эти имена должны быть примѣняемы къ бездушнымъ предметамъ посредствомъ особыхъ толкованій.

2) Cicero, *ibid.* I, 15, p. 20. Хрисиппъ... считалъ богомъ, то божественную силу въ разумѣ, заключенную въ душѣ или мысли всей природы (*vim divinam in ratione*), то самый міръ называетъ богомъ, то фатальную необходимость будущихъ вещей (*fatalem necessitatem rerum futurarum*).—Также разсуждаетъ, что эфиръ есть то, что мы называемъ Юпитеромъ; кто воздухъ движетъ по морю, Нептуномъ; во второй своей книгѣ „о природѣ боговъ“ Орфея, Музея, Гезіода и Гомера хочетъ приспособить къ баснямъ; то же и касательно древнѣйшихъ поэтовъ.

3) Cicero, *ibid.* I, 15, p. 20. Пслѣдую Хрисиппу, Діогенъ вавилонскій въ книгѣ, которая подписывается „Минерва“, рожденіе (*partum*) Юпитера и происхожденіе дѣвы объясняетъ физиологически.

4) Cicero, *ibid.* I, 11 p. 17. Ксенофанъ, изображая Сократа диспутирующимъ, говоритъ о сказанномъ имъ, что образа Божія не должно искать.

скій училъ, что Богъ непостижимъ ¹⁾. Оба они чувствовали величіе Божіе въ самомъ отчаяніи постигнуть его! Платонъ несравненно яснѣе и по содержанию и по выраженію изложилъ свое ученіе о божествѣ. И его можно было бы признать за *небесное*, если бы оно не было омрачено примѣсью народныхъ убѣжденій ²⁾. Въ Тимее же Платонъ говоритъ, что Богъ по самому своему имени есть Отецъ всего міра, Творецъ души, создатель неба и земли, что Его трудно познать вѣдѣтвіе Его необъятнаго и безиредѣльнаго могущества и, если познаешь Его, не сумѣешь то высказать публично. Это ученіе весьма сходно съ христіанскимъ и христіане признаютъ Бога и называютъ Его Отцомъ всего и никогда не говорятъ о Немъ публично (?), если ихъ не спросятъ о Немъ. Итакъ всѣ почти философы, хотя и подъ различными именами учили о единомъ Богѣ, такъ что сравнивая религіозную философію эллинизма и теоретическое ученіе христіанства о Божественномъ существѣ, можно прийти къ тому заключенію,—что или выступающіе теперь въ исторіи христіане—философы или эллинскіе философы прежде неповѣдали христіанство (с. XIX и нач. XX).

Таково христіанское ученіе о Богѣ. Оно доказывается вѣзмъ гармоническимъ устройствомъ космоса, разсматриваемаго въ его цѣломъ и частностяхъ, духовнымъ и физическимъ составомъ человѣка; оно подтверждается вѣзми лучшими философами древности и составляетъ собой достояніе всего рода человѣческаго (с. XIX кон.). Что можетъ противопоставить ему языческая религія?

Приступая къ обвиненію язычества, Мницій Феликсъ предваряетъ его тонкимъ дипломатическимъ введеніемъ, рассчитаннымъ на то, чтобы не будить религіозныя страсти противниковъ. Самъ нѣкогда принадлежавшій къ языческой религіи, онъ хочетъ обвинять во всѣхъ ея недостаткахъ не своихъ современниковъ, а предковъ, ихъ неразборчивость, легковѣріе и невѣжественную простоту, но долго на этомъ пути онъ не остается: прекрасный знатокъ греко-римской

¹⁾ Cicero, *ibid.* I, 14 p. 19: ученики Аристона держатся той мысли, что нельзя познать ни образа Бога, ни того, дано-ли какое-нибудь чувство о богахъ, одушевленъ Богъ или нѣтъ?

²⁾ О противорѣчіяхъ въ ученіи Платона см. Cicero, *ibid.* I, 12, p. 17.

миологін, онъ воспользовался всеѣми ея курьезами и недостатками, чтобы въ болѣе яркомъ свѣтѣ выставить реальную каррикатуриность ея и религіозную несостоятельность. Что такое греко-римскіе боги? Представляютъ-ли они собой сверхъестественныхъ существъ или они стоятъ близко къ человѣческому роду и мало чѣмъ отличаются отъ него?

Культъ боговъ возникъ естественнымъ путемъ; онъ обязанъ легковѣрію и религіозной неразборчивости предковъ. Воздавая благоговѣиное почтеніе своимъ царямъ, они желали видѣть ихъ въ изображеніяхъ, старались увѣковѣчить память ихъ статуями и то, что принято было ради утѣшенія, стало потомъ предметомъ священнымъ; воздавая награду почившимъ, они подали примѣръ своимъ потомкамъ ¹⁾. Научнымъ доказательствомъ этого тезиса служатъ изслѣдованія Евгемера, ²⁾ гдѣ доказывается, что все божества суть люди, обоготворенные за свои благодѣянія и добродѣтели и гдѣ повѣствуется о времени ихъ рожденія, ихъ отечествѣ и гробницахъ по разнымъ мѣстамъ напр. объ Юпитерѣ Критскомъ ³⁾,

¹⁾ Ср. Сісего., cit. op., I, 47 p. 41: „передано, что славные, храбрые и мощные люди перенли послѣ смерти къ богамъ, и мы сами привыкли почитать, молиться и благоговѣть предъ ними; Cic. de nat. deor. III, 14; p. 106, 107: и во многихъ городахъ можно наблюдать памятники храбрымъ людямъ, посвященные имъ, какъ безсмертнымъ богамъ.

²⁾ Евгемеръ, послѣдователь киринейской школы, извѣстенъ какъ авторъ сочиненія *ἱερά ἀναρχαί*; здѣсь онъ рассказываетъ о своемъ путешествіи въ Аравію и южныя моря; на островѣ Панхейя онъ нашелъ первобытную исторію міра на золотой колоннѣ въ храмѣ Зевса Трифилійскаго и на основаніи найденныхъ тамъ давныхъ создалъ теорію, что все боги и герои были людьми, выдававшимися своей силой и проицательностью, вслѣдствіе чего послѣ ихъ смерти имъ воздавали божескія почести, а главнѣйшіе центры ихъ культа ничто иное, какъ мѣста, гдѣ они похоронены. Уже іонійскіе философы (Гекатей, Геродоръ и др.) примѣняли этотъ историко-грамматическій методъ къ нѣкоторымъ мифамъ, но Евгемеръ первый послѣдовательно провелъ его. Его воззрѣнія популяризованы были Діодоромъ сиракузскимъ и Энциемъ (Cic. de nat. deor., I, 41 p. 41) См. Любкеръ, Реальный словарь классической древности, перев. проф. Модстова. Москва, СПб 1884, стр. 393.

³⁾ Легенды о Юпитерѣ-Зевсѣ Кропосѣ (Сатурнѣ), сынѣ Урана и Геи, самый младшій изъ титановъ, по изверженіи отца при содѣйствіи другихъ титановъ присвоилъ себѣ власть надъ міромъ. Онъ сочетался бракомъ со своей сестрой Реей, родявшей ему Деметру, Геру, Галеса, Посейдона и послѣдняго Зевса, но такъ какъ ему предсказано было отъ Геи, что онъ будетъ свергнутъ съ трона своими дѣтьми, то онъ прогла-

объ Аполлонъ Дельфійскомъ ¹⁾. Изидъ Фаросской ²⁾ и Цереръ Элевзинской ³⁾. А Сатурна, родоначальника боговъ, какъ греческіе, такъ и римскіе писатели выдаютъ за человѣка. Извѣстно, что Сатурнъ, убѣжавъ изъ Крита отъ преслѣдованія своего разгнѣваннаго сына, прибылъ въ Италію и, принятый тамъ гостепрѣимно, будучи родомъ грекъ и образованъ, онъ научилъ здѣсь многому грубыхъ и невежественныхъ людей... Онъ назвалъ страну, давнюю ему убѣжище Ляціумомъ (Latium), потому что онъ безопасно скрылся (latuit) въ ней, а городу далъ названіе по своему имени, какъ и Янусъ назвалъ городъ Яникуль ⁴⁾. Итакъ Сатурнъ

тывалъ всѣ свои порожденія. Желая сохранить свое потомство, Рея, родивъ Зевса (Юпитера), скрыла его тайно отъ преслѣдованія отца въ Критѣ на горѣ Дакия или Идеѣ; здѣсь онъ былъ воспитываемъ и оберегаемъ Куретами; нимфа Адрастея и Иды, дочери Мелисса (медолага человѣка) питали его молокомъ козы Амальфіи и медомъ, приносимымъ съ горъ (Ср. Любкеръ, cit. op. стр. 1032). По Діодору Сик., Діонисій Аммоній, установливавшій вездѣ оракулы, назначаетъ Юпитера (Зевса) царемъ Египта и научаетъ его культурѣ. Удаленіе Аммонія къ безсмертнымъ дѣлаетъ Юпитера царемъ всего міра (Diodori Bibliotheca historica, ex rec. Dindorfio, l. III, c. 60, p. 418). По тому же Діодору Зевсъ (Юпитеръ) царствовалъ 120 лѣтъ въ Италіи, владѣя западомъ; имѣлъ сыновей и много дочерей отъ прекрасныхъ римскихъ женщинъ; намѣреваясь скончаться, онъ повелѣлъ трупъ свой похоронить на о. Критѣ, гдѣ дѣти и устроили ему храмы (Diod. Biblioth., cit. ed. t. II, lib. 6; p. 104, 105).

¹⁾ Cicero, cit. op. II, 23; p. Древнѣйшій Аполлонъ тотъ, который родился отъ Вулкана и сдѣланъ стражемъ Аѳинянъ, другой рожденный въ Критѣ... третій, котораго считаютъ прибывшимъ изъ Гипербореи Дельфамъ.

²⁾ (Египтяне почитаютъ): во 2-хъ Изиду въ городѣ Бизиридѣ; въ этомъ городѣ находится большой храмъ Паиды (Herodoti, Historiarum libr IX, ed. Dietsch, Lipsiae, 1883 г., v. 1, l. 2; § 59). По Страбону, Бизиридъ—египетскій городъ въ провинціи Бизиридской, находится вблизи Фароса (Strabonis Geographia, ed. Cramer, Berolini, 1855. v. II, lib. 17, c. 19 p. 358).

³⁾ Strabo, cit. ed. l. IX, c. 12; p. 416; потомъ городъ Элевсинъ, въ которомъ храмъ Деметры (=Церера) Элевзинской и мистическая смоква, устроенная Иктиномъ.

⁴⁾ Aurelianus Victor, Orig. gent. Roman. (заимс. у Nourry, cit op. p. 570). Первымъ, думаютъ, пришелъ въ Италію Сатурнъ... Такая тогда у древнихъ людей существовала простота, что приходившіе къ нимъ чужестранцы, отличавшіеся разумнѣемъ и мудростью и содѣйствовавшіе устройенію образа жизни и совершенствованію нравовъ.—чѣмъ ихъ предки пренебрегали,—не только сами признавались произведенными небомъ и землей, но утвердили это мнѣніе и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, какъ и самого Сатурна называли сыномъ земли и неба.

былъ обыкновеннымъ человекомъ. Онъ былъ выданъ за сына неба и земли, потому что въ Италиі не знали его родителей, „какъ и въ настоящее время мы называемъ упавшими съ неба людей, которыхъ встрѣчаемъ неожиданно, а людей неизвѣстныхъ и непатныхъ именуемъ сынами земли (с. XXII) 4).“ Но и помимо этихъ опредѣленныхъ и исторически засвидѣтельствованныхъ фактовъ, повѣствующихъ о человѣческомъ и смертномъ происхожденіи боговъ, даны цѣлыя теоріи о возведеніи людей въ божеское достоинство. Такъ Продикъ говорилъ, что были возводимы въ боговъ люди, которые во время своихъ странствованій принесли людямъ пользу своими открытіями 2). Мифіе Продика раздѣляетъ и Персей, называющій одними и тѣми же именами и открытія произведенія земли и ихъ открывателей 3). Александръ Великій Македонскій, въ письмѣ къ своей матери говорилъ, что одинъ жрецъ устранившій его „могуществомъ, открылъ ему тайну, что боги ничто иное, какъ люди 4).—Будучи су-

1) Diod. Biblioth. cit. ed. lib. III, c. 619 p. 310 sqq. Кроносъ (Сатурнъ), сынъ Урана, сочетался съ сестрой Реей и родилъ сына Діа; прогнанный сыномъ изъ Крита, онъ господствовалъ надъ Сиккліей и Ливіей, затѣмъ надъ Италіей, гдѣ устроилъ сплоченное царство, доходящее до запада. Но въѣмъ сторожевымъ и высокимъ мѣстамъ онъ устроилъ акрополи, которые отъ него и получали названіе *Крѳона* (Saturnalia).—Ovidii Nasonis Fastorum libri VI, rec. Mercellii. Lipsiae, 1865. Здѣсь я вспоминаю Сатурна, воспринятаго землей, прогнаннаго Юпитеромъ изъ небесныхъ царствъ, отчего долго и у народа оставалось имя Сатурналія, страна называлась также и Ляціумомъ, такъ какъ богъ скрылся (latente deo—v. 235—238). Тамъ, гдѣ теперь Римъ, процвѣталъ непроходимый лѣсъ, за немногіе дни онъ превратился въ пастбище ягнятъ—въѣжъ, называемый Яникулевымъ (v. 243—246).

2) Cicero, cit. op. I, 42; p. 41. Продикъ Сей говорилъ, что люди, принесшіе пользу людямъ, должны считаться въ числѣ боговъ.

3) Cicero, ibid. I, 15; p. 19. Персей, слушатель Зенона, утверждалъ, что слѣдуетъ вносить въ число боговъ тѣхъ, которыми изобрѣтена великая польза для культуры (человѣческой) жизни.

4) Ср. Plutarchi opera, quae supersunt..., ed Reiske, v. IV, Lipsiae, 1776, Vita Alexandri, pp. 66, 67. Въ письмѣ своемъ къ матери самъ Александръ говоритъ, что ему переданы нѣкоторыя тайны, какъ напр, обращеніе солища. Дальше указывается, что когда онъ слушалъ въ Египтѣ египетскаго философа Псаммона, изъ сказаннаго имъ преимущественно одобрилъ (то его мифіе), что всѣ смертныя богомъ поставляются управлять (народами), а потому печальствовать и управлять въ какой-то ни было области (in quaque re) есть (дѣло) божественное.

ществами естественнаго пропехожденія и принадлежа къ одному рангу со вѣсьмъ человечествомъ, греко-римскіе боги не только въ своемъ внѣшнемъ видѣ иногда носятъ на себѣ безобразіе и вызываютъ отвращеніе, но и по своей дѣятельности, образу занятій и нравственнаго поведенія часто не отвѣчаютъ даже самымъ непосредственнымъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены религіознымъ сознаніемъ къ самому понятію божества. Вулканъ—богъ хромой и немощный, Аполлонъ столько вѣковъ безбородый, Нептунъ съ глазами свѣтлозелеными ¹⁾, Юнона съ бычачьими глазами ²⁾, Меркурій съ крылатыми ногами ³⁾, Панъ съ копытами ⁴⁾, Сатурнъ съ кандалами на ногахъ ⁵⁾, Янусъ съ двумя лицами для того, чтобы ходить задомъ (?) ⁶⁾. Діана, высокоподносающая охотница ⁷⁾, Діана Ефесская имѣетъ огромныя груди ⁸⁾, а Діана Тривія три головы и много рукъ ⁹⁾. Далѣе самъ Юпитеръ представляется то безбородымъ, то имѣющимъ бороду ¹⁰⁾, называемый Аммопомъ имѣетъ

¹⁾ Cicer., cit. op. I, 30; p. 30, 31; Аполлонъ всегда бородатый, Нептунъ съ глазами свѣтлозелеными, хромого и немощнаго бога имѣемъ въ Вулканъ.

²⁾ Hom. Iliad. XIV, v. 263 волоокая Гера.

³⁾ Hom., Odys. V, v. 45. Никогда не отказывается посоль Меркурій, тотчасъ же подвязываетъ башмаки съ крыльями, несущими его по морю и безмѣрной землѣ съ пыломъ вѣтра.

⁴⁾ Какъ описываетъ свой видъ и фигуру, какъ напр. самъ Панъ, видно изъ его оракула: Пану рожденному богу, двуроному, двуроному съ козлиными голеньми рѣдкому, велнкому пѣженкѣ. Eusebius, Praeparatio evangelica, III, 14 Migne, gr. s., t. 21, p. 221.

⁵⁾ Cicer., cit. op. II, 24; p. 59. По древнему преданію Уранъ былъ низвергнутъ Сатурномъ; самъ же Сатурнъ связанъ былъ Юпитеромъ.

⁶⁾ Какимъ богомъ назову я тебя, Янусъ двуликій, такъ какъ и Греція не имѣетъ равнаго тебѣ божества! Скажи причину, почему ты одинъ изъ небесныхъ видишь и то, что сзади, и то, что впереди (Fast libri, cit. ed I, v. 89—92.)

⁷⁾ Обычное изображеніе Діаны.

⁸⁾ Имѣется вумизматическій памятникъ, изображающій Діану со многими грудями. De-Nourru, Migne. lat. s., t. III, p. 573.

⁹⁾ Діана называлась Trivium (трепутная), такъ какъ ея изображенія въ греческихъ городахъ ставились на пунктѣ пересѣченія трехъ дорогъ, а во 2-хъ потому, что она (Діана-Луна) въ своемъ небесномъ круговоротѣ движется по тремъ направленіямъ, въ высоту, ширину и длину.

¹⁰⁾ Cicer., cit. op. I, 30, p. 30. „Юпитеръ всегда бородатый“.

рога ¹⁾, Капитолійскій носитъ молніи ²⁾, Юпитеръ Лаціаръ обогреть кровью ³⁾, а къ Юпитеру Феретрію подойти нельзя ⁴⁾; и, при всемъ томъ, какое еще множество насчитывается Юпитеровъ: сколько нудовищъ Юпитера, столько и именъ его ⁵⁾. Эригона повѣшена на петлѣ, какъ дѣва между звѣздами ⁶⁾. Касторы для того, чтобы жить, постоянно умираютъ ⁷⁾, Эскулантъ для того, чтобы явиться богомъ убивается громомъ ⁸⁾,

1) Геродотъ (cit. ed. lib. 1 s. 42.) рассказываетъ, что египтяне постановили сдѣлать статую Юпитера въ видѣ барана, назвавши его Аммоніемъ, но есть египтяне и эфіопляне—колонны, взаимно пользующіеся языкомъ и потому, мнѣ кажется, что они потому назвали его Аммоніемъ, что египтяне именовали Юпитера Аммономъ.

2) Найдена медаль, на которой изображенъ въ сидячемъ положеніи Юпитеръ нагимъ въ верхней своей части и снизу одѣтымъ, держащій въ правой рукѣ молнію, а въ лѣвой скипетръ: круговая сторона медали носитъ надпись: *Jup. Opt. Max. Capitoliuus.* (De-Nourry, cit. op. s. 584).

3) О Юпитерѣ Лаціумѣ и кровавыхъ жертвоприношеніяхъ ему лучшія свѣдѣнія даютъ христіанскіе писатели. Зевсъ Лаціалъ услаждается человѣческою кровію и человѣческими убійствами (Tat., Or. 29). „Зевсъ Лаціалъ, жаждущій человѣческой крови (Theoph. ad aut. III. 8)“ „даже и въ наши дни Лаціумъ (Римъ) все площади города кропяетъ человѣческою кровью (Tert. Scorp., c. VII).“

4) Юпитеръ Феретрій получилъ свое названіе отъ трофея (знакъ побѣды), который носился на феретрѣ (носилкахъ, специально устроенныхъ для препровожденія добычи),—именемъ, заимствованнымъ съ греческаго языка (*φερετρίων*—носить на носилкахъ въ торжественной процессіи). Ср. *Piutarchi Chaeron. oper. t. II, 1775. Vita Marcelli, p. 416.*

5) *Cicero, cit. op. III p. 105* „у древнихъ греческихъ писателей находимъ много Юпитеровъ“.

6) Икаръ аэинянинъ получаетъ отъ Діониса виноградную вѣтвь и чтобы распространить винодѣліе, обходить страну съ мѣхами, наполненными виномъ. Пастухи, напившись вина, подумали, что Икаръ отравилъ ихъ. убили его и бросили въ колодець, или, по другимъ извѣстіямъ, зарыли его подъ деревомъ на Гиментѣ. Дочь его Эригона (рано рожденная виноградная вѣтвь) въ сопровожденіи своей собаки Меры цеслѣ долгихъ поисковъ нашла могилу отца и повѣсилась на деревѣ. Икаръ со своимъ кубкомъ переселился на небо и здѣсь составилъ созвѣздіе Арктура, Эригона—Дэвы, Мера—Собаки. Любкеръ, cit. op. 507.

7) Филотекнъ, (чтобы отомстить Геркулесу), наказалъ его огнемъ и молвіей, такъ что отъ него остался одинъ пепелъ. Напрасно Филолай искалъ его костей, распространилась молва, что онъ перешелъ къ богамъ. (De-Nourry, c. 585).

8) *Virg. Epp. VI, v. 121:* если братъ Поллуксъ встрѣчаетъ смерть, то столь же часто и возвращается къ жизни.

9) *Diod. Bibl.—Hist., cit. ed., I. IV, c. 72; p. 435. 436.* Передаютъ мнѣ объ

Геркулесъ сожигается егейскими огнями, чтобы не быть больше человѣкомъ (с. XXI). Таковы басни, наследованныя римлянами отъ невѣжественныхъ отцовъ; всего тяжелѣе то, что онѣ и теперь составляютъ предметъ обычныхъ занятій и школьнаго обученія, особенно же публичнаго поэтовъ. Вотъ, напр., поэзія Гомера, прославленнаго и увѣчяннаго, котораго Платонъ исключилъ изъ своей республики,—она даетъ достаточное число примѣровъ, чтобы убѣдиться, въ чемъ состояли занятія греко-римскихъ боговъ и какова была ихъ нравственность. Этотъ поэтъ преимущественно при описаніи Троянской войны, хотя и для забавы, вмѣшавъ боговъ въ событія и дѣла человѣческія. И что же получилось? Онъ раздѣлилъ боговъ на двѣ спорящія партіи, ранилъ Венеру, связалъ, ранилъ и обратилъ въ бѣгство Марса ¹⁾; разсказалъ, какъ Юпитеръ освобожденъ былъ Бриаріемъ ²⁾, какъ онъ оплакивалъ кровавыми слезами сына Сапердона, котораго никакъ не могъ избавить отъ смерти ³⁾; Геркулесъ убираетъ навозъ ⁴⁾, Аполлонъ пасетъ стада Адмета ⁵⁾, Нептунъ за-

Асклипія (Эскулапъ), сынъ Аполлона, что онъ по внскожденіи въ адъ обратился съ заявленіемъ къ Зевсу (Діону), что его власть уменьшилась и будетъ постепенно уменьшаться по сравненію съ властью надъ умершими, поклоняющимися ему (Асклипію). Разгнѣванный Юпитеръ поразилъ его молніей, чтобы уничтожить его. Ср. Cicero, cit. op. III, 22; p. 110: старый Эскулапъ, братъ втораго Меркурія, побитый молніей, похороненъ въ Кидозирѣ (Кинурія въ юго-восточной части Агроиды).

¹⁾ Iliad. V. 375 „Ей, возстанавъ, отвѣчала владычица смѣховъ Киприда: ранилъ меня Діомедъ, предводитель аргивцевъ надменный... 385: Такъ пострадалъ и Арей (Марсъ), какъ его Алфіатесъ и Отосъ... страшною дѣпью сковали.

²⁾ Iliad. I, 399. Въ день, когда отца (Зевса) оковать олимпійскіе боги дерзнули... Ты, Аяна—Паллада... на Олимпъ призвала сторукаго въ помощь, коему имя въ богахъ Бриарій... Боги его ужаснулись и всѣ отступили отъ Зевса (v. 400—406).

³⁾ Iliad. XVI: Зевсъ обращается къ Геръ: горе я зрю Сапердону царю, дражайшему мнѣ между смертными, сегодня суждено пасть подъ рукою Патрокловой пасть побѣжденнымъ!—Сапердонъ умираетъ.. Зевсъ посылаетъ съ неба на Троянскую землю росу кровавую, чтобы почтить сына героя (v. 433—459).

⁴⁾ Diod., Biblioth. cit. ed., lib. 1, c. 4. § 30 p. 388: Геркулесъ получаетъ повелѣніе отъ Авристея очистить Авгіевы конюшни и своеобразно исполнить его

⁵⁾ Hom., Iliad. II, v. 763—7-й превосходнѣйшихъ коней привелъ славный Евменъ (сынъ Адмета). Самъ Аполлонъ воспиталъ (ихъ) на зеленыхъ лугахъ.

нимается построением стѣнъ Лаомедона и несчастный строитель не получаетъ награды за свои труды ¹⁾; тамъ на палкавальнѣ куется молнія Юпитера ²⁾. Что же сказать объ уличенномъ прелюбодѣяи Марса и Венеры ³⁾ или освященномъ на самомъ небѣ постыдномъ сладострастїи Юпитера съ Ганимедомъ ⁴⁾. Не тотъ же-ли, наконецъ, Юпитеръ, воспламенившись болѣе, чѣмъ съ другими любодѣйцами, предался сладострастїю со своей собственной женой (Юноной ⁵⁾). Вотъ правоучительные примѣры, предлагаемые въ назиданіе человѣческому роду. „Они переданы для того, чтобы нѣкоторымъ образомъ оправдать пороки человѣческіе. Выдумки подобнаго рода увлекательно дѣйствуютъ на дѣтей и извращаютъ нравственность человѣка съ юнаго возраста. Подъ увлеченіемъ этихъ занимательныхъ разсказовъ возрастаютъ мальчики и сохраняютъ ихъ до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ, не достигая истины, которая доступна только интуитивъ ее. (с. XXII).“

Такова религія греко-римскаго міра въ ея божественныхъ представителяхъ. Могла-ли она служить опорой государства, основой его могущества и дать-ли достаточное основаніе для того положенія, высказаннаго Фронтономъ, что Римъ своимъ величіемъ обязанъ не столько храбрости своихъ дѣятелей, сколько своему благочестію и религіи? Въ глазахъ

¹⁾ Hom. *Iliad.* Посидонъ (Нептунъ) говоритъ Аполлову: „повинуясь волѣ Кроноида здѣсь гордому Лаомедову мы работали цѣлый годъ за условную плату, и сурово онъ властвовалъ нами (v. 443—440).“

²⁾ Ср. Cicero. *de div.*, cit. op. II, 26; p. 188: „молнія Юпитера создала циклопами на Эгнѣ.“

³⁾ Hom. *Odys.* VIII, v. 268 sqq. Аресъ (Марсъ), влюбленный и украшенный прекраснымъ вѣнкомъ, соединяется съ Афродитой въ жилищахъ Гефеста.

⁴⁾ Hom. *Iliad.* XX, v. 233—234. Равный небожителямъ Ганимедъ, прекраснѣйшій сынъ человѣковъ, богами взятъ былъ на небо, чтобы служить Зевсу виночерпїемъ; изъ дальнѣйшаго видно, что здѣсь дѣло не обошлось безъ интимныхъ отношеній.

⁵⁾ Hom. *Iliad.* XIV, v. 341—346 по переводу Гнѣдича: (рѣчь Кронона къ Герѣ):

Гера супруга, ни богъ,—ни меня положила,—ни смертный
Насъ не увидитъ: такой надъ тобою кругомъ распростиру я
Облакъ златый; сквозь него не проглянетъ ни самое солнце,
Коего острое око все проникаетъ и видѣтъ.
Рекъ, и въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу.

апологетовъ христіанства исторія Рима предпослалась въ со-
вѣсьмъ другомъ проспектѣ по сравненію съ тѣмъ, какъ ее
изображаютъ современные Минуцію Фелпкеу историки, не
говоря уже о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Строго разсуждая,
исторія Рима не давала никакого повода къ упрекамъ, но
апологетика требовала ихъ,—и вотъ подъ перомъ морализи-
рующихъ представителей ея самыя обычныя явленія ея по-
лучаютъ окраску жестокости, братоубійства и святотатства.
Это лежало въ духѣ древняго христіанства, въ той ве-
отрицающей тендециі, съ какою первоначальное христіанство
выступало не только противъ религіи Греціи и Рима, но и
противъ всего строя римскаго государства какъ въ его прои-
ломъ, такъ и настоящемъ,—тѣмъ не менѣе нельзя не пожа-
лѣть о крайней односторонности ихъ взгляда. „Да, пресло-
вутая римская справедливость,—начинаетъ свою отвѣдь
Фронтону Минуціи Фелпкеъ,—видна съ первыхъ же временъ
основанія государства: Не преступленіе-ли соединило рим-
лякъ, не нечестовая-ли жестокость дала имъ силу? Сначала
Римъ служилъ убѣжищемъ для всякаго рода людей, туда
стекались разбойники, злодѣи, прелюбодѣи и убійцы (?).
Самъ Ромуль, ихъ царь, совершилъ братоубійство..., чтобы
превозмогти въ злодѣяннн свой народъ. Вотъ первые начатки
благочестиваго государства! Послѣ того Римъ нагло похи-
тилъ и обезчестилъ дочерей ¹⁾, изъ которыхъ многія были
уже обрученны, и нѣкоторыхъ замужнихъ женщннъ, и потомъ
затѣялъ войну съ ихъ родителями, своими тестями, и про-
лилъ кровь своихъ родственниковъ. Что можетъ быть без-
правственнѣе, безчестнѣе, наглѣе такой злодѣйской дерзости.“
Этотъ приподнятый морализирующій тонъ, повышенный Ми-
нуціемъ на самую высокую ноту, продолжаетъ звучать громко
во всемъ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи Рима. Общимъ дѣ-
ломъ Ромула,—утверждаетъ онъ,—и послѣдующихъ царей и
вождей было—сосѣдей стогнать съ ихъ земли, разрушать
окрестные города съ храмами и алтарями, притѣснять ильн-
ныхъ, укрѣпляться посредствомъ обидъ другихъ и своихъ
злодѣяннн. Не достойно-ли посмѣяннн то, что римляне при-
нимаютъ религію побѣжденных народовъ и послѣ побѣды
поклоняются ильннмъ богамъ, такъ какъ воздавать боде-

¹⁾ Разумѣется извѣстное похищеніе сабинянокъ.

скія почести тому, что захвачено на войнѣ, значить совершать святотатство. У римлянъ сколько побѣдныхъ торжествъ, столько дѣлъ нечестивыхъ: сколько взято трофеевъ у паредовъ, столько сдѣлано ограбленій у боговъ. Итакъ, римляне сильны не потому, что они религіозны, а потому что безнаказанно совершили святотатства (?). Да и какіе боги могли покровительствовать Риму? Специально римскіе боги извѣстны: это Ромуль, Пикъ ¹⁾, Тиберинъ ²⁾, Консъ ³⁾, Пилюмъ и (ас, по-видимому, нужно aut—или,) Полюмъ ⁴⁾. Тацій изобрѣлъ Клоацилу и сталъ ее обожать. Гостилій—Павора и Паллора ⁵⁾: кромѣ того кто-то боготворить и лихорадку ⁶⁾. Вотъ покровители Рима: суевѣріе, болѣзни и несчастія: между болѣзнями Рима и въ число боговъ можно помѣстить еще распутныхъ женщинъ Акку Лавренцію ⁷⁾ и Флору ⁸⁾. Нельзя

¹⁾ Римскій полевой и лѣсной богъ, равно какъ и богъ предсказаній, жившій въ римской рошѣ у Авентинскаго холма, сынъ Сатурна. Онъ былъ также первымъ царемъ Лаціума. Кирка превратила его въ дятла за то, что онъ отвергъ ея любовь. Какъ богъ предсказаній, онъ изображался въ видѣ авгура съ принадлежащемъ ему жезломъ, а также и въ видѣ деревяннаго столба съ дятломъ, предсказательной птицей Марса (Любкеръ, *cit. op.* стр. 795).

²⁾ Богъ рѣки Тибра, *ibid.* 1017.

³⁾ Консъ—римскій отобразъ греческаго морскаго бога Посидона. Онъ здѣсь вступаетъ въ связь съ конемъ и конскими бѣгами и потому называется *Neptunus equiter* (конный Нептунъ) *ibid.* 827.

⁴⁾ Покровительствующій домашній богъ деревняго сельскаго Рима, носившій пестъ (*pelum*), которымъ онъ училъ толочь хлѣбныя зерна и въ то же время охранялъ дома, въ которыхъ былъ новорожденный (Любкеръ, *ibid.* 795).

⁵⁾ Паворъ и Палоръ (страхъ и боязнь) спутники римскаго Марса (Любкеръ, *ibid.* 114) Ср. Сенека (у Август. *de civ. Dei* VI. 10): „кажутся-ли тебѣ истинными сны. Т. Тація или Ромула или Туллія Гостилія. Тацій посвятилъ въ богиню Клоацилу, Ромуль Пика и Тиберина, Гостилій Павора и Палора, непріятнѣйшія чувствованія людей, изъ которыхъ одинъ выражаетъ собой движеніе испуганной мысли, другой, конечно, не болѣзнь тѣла, а видъ его; развѣ и этихъ ты причисляешь къ божеству и воспринимаетъ на небо“. (См. Burger. *Minucius Felix und Seneca*, s. 21).

⁶⁾ *Febris*—олицетвореніе лихорадки; почитался, конечно, не самую болѣзнь, а богиню, которая могла отвратить ее. Она имѣла три храма въ Римѣ; въ нихъ приносились цѣлебныя средства для приходящихъ больныхъ (Любкеръ, *ibid.* стр. 403).

⁷⁾ Акка Лавренція, жена пастуха Фаустула и кормилица Ромула и Рема. Она имѣла 12 сыновей и съ ними ежегодно приносила жертву за плодородіе, отчего и сыновья ея получили имя авральскихъ братьевъ (*avta-*

же допустить, чтобы римлянамъ помогли противъ народовъ Марсъ еракійскій, Юпитеръ критскій, Юнона аргосская или самосская... Діана таврическая..., наконецъ, египетскія скорѣе чудовища, а не божества. Итакъ, могущество римлянъ, обнимающее собой весь міръ (ср. с. IV), отнюдь не можетъ служить доказательствомъ ихъ религіозности. Да и какіе боги могли дать имъ помощь? Въ выборѣ этихъ боговъ Минувцій, какъ адвокатъ-софистъ и апологетъ, неподражаемъ. Это какіето дятель, страхъ, боязнь, шхорадка,—... и въ самомъ дѣлѣ, какую помощь они могли дать римлянамъ (с. XXV)?

Гаданія и оракулы?—заслуживаютъ-ли они какого-либо довѣрія и способны-ли доказать внутреннюю силу римской религіи? Допустимъ, что Клавдій Фламинскій и Юлій потому потеряли свои войска, что не разсудили дожидаться обычнаго топтанія цинлягъ погами, а Регулъ?—не наблюдали-ли авгурии и одноаго взять бытъ въ плѣнь ¹⁾.

Точно также и Минувцій, хотя и уважилъ религіозный обычай, попалъ во власть врага ²⁾. Павелъ Эмилиій потерпѣлъ

из—огносящійся къ уходу за полями); по другому сказанію она была распутной женщиной времени Анка Марція, вышедшая замужъ за богатаго тусскаго землевладѣльца Тарутія и въ своемъ завѣщаніи сдѣлала римскій народъ своимъ наслѣдникомъ. На этомъ основаніи ее чествовали, какъ благодѣтельницу римскаго народа, въ праздникъ Лаврентарій (25 дек.) заупокойной жертвою, которую приносилъ Фламиній Квирина. Культъ ея совпадалъ съ культомъ ларовъ.—Анка Лаврентія называлась матерію ларовъ. Она была кормилицей Ромула и Рема, ларовъ древнѣшаго города Рима на Палативѣ. (Любкеръ, *ibid.*, стр. 3).

¹⁾ Флора—богиня цвѣтовъ и весны.

1) Атилій Регулъ, взятый въ плѣнь въ войнѣ съ Каррагенянами, былъ подвергнутъ жесточайшей смерти. Что обычный порядокъ гаруспидій былъ соблюденъ, можно догадываться изъ сообщенія историка Максима Валерія (*Maximi Valerii, Dictorum factorumque memorabiliam, Lipsiae, 1830 lib, 1, с 1 § 14, р. 6.*).

²⁾ V. Maxim., *cit. ed.*, I, 1, с. 6 § 7, pp. 20. 21. Когда консулъ Гостилій Минувцій намѣревался идти въ Испанію, произошли слѣдующія предзнаменованія. Когда пожелали совершить священнодѣйствія въ Лавиніи (городъ въ Лациі), то птенцы, выпущенные изъ клѣтки, убѣжали въ ближайшій лѣсъ и, не смотря на всѣ старанія, найти ихъ не могли. Послѣ же прѣзда въ портъ Геркулеса, куда прибыли пѣшкомъ и увидѣли корабль, нѣкій голосъ безъ всякаго виновника достигъ до его ушей: „Минувцій, остановись!“ Устрашившись этимъ, на обратномъ пути ови достигъ Гевун и тамъ, войдя въ лодку и видя себя окруженнымъ множествомъ змѣй, исчезъ изъ виду. Такъ число предзнаменованій сравнялось съ

при Кавнахъ ужасное пораженіе, не смотря на то, что цинлята предвѣщали ему успѣхъ ¹⁾. Цезарь пренебрегъ гадапіями, которыя восприняли отправиться ему въ Африку прежде зимы, однако онъ легко переплылъ и побѣдиль ²⁾. А что сказать объ оракулахъ? Амфіаріи предсказали, что будетъ послѣ его смерти, а не знали, что жена измѣнитъ ему за ожерелье ³⁾. Слепой Тирезій предсказывалъ будущее, а не выдавалъ настоящаго ⁴⁾. Эпій сочинилъ на счетъ Пирра отвѣты Аполлона Пифійскаго, между тѣмъ какъ Аполлонъ давно пересталъ говорить стихи, и этотъ оракуль, ловкій и двусмысленный, прекратилъ свое дѣло съ тѣхъ поръ, какъ люди стали менѣе легковѣрны и болѣе образованы ⁵⁾. И Де-

числомъ бѣдствій—несчастной войной, постыднымъ союзомъ и роковой капитуляціей.—Минувшій Феликсъ, какъ видимъ, переначаль рассказъ и истолковалъ его въ своихъ дѣлахъ.

¹⁾ Cicero, de nat. deor., cit. ed., III, 32, p. 116; какую пользу доставили предсказанія Павлу при Кавнахъ?

²⁾ Cicero, de divin., cit. ed., II, 24, p. 18: что? самъ Цезарь, когда высія гарусиціи убѣждали его не отправляться ранѣ зимы въ Африку.—развѣ онъ не отправился, и если бы этого не сдѣлалъ, то все множество враговъ соединилось бы въ одномъ мѣстѣ.

³⁾ Амфіарій изъ Аргоса, сынъ Фикла (или Аполлонія), славился какъ великій прорицатель и стотолкователь. Совмѣстно управлявшій въ Аргосѣ вмѣстѣ съ Адрастомъ, онъ изгналъ его изъ города и потомъ помирившись съ нимъ, женился на его сестрѣ Эрифилѣ. Отъ похода, предпринятаго Адрастомъ противъ Фивъ, онъ отказался, предвидя его не удачный исходъ. Подкупленная же Полиникомъ посредствомъ вредоносной шейной перевязки Гармоніи (Одис. II, 326), Эрфила склонила своего мужа къ участию въ походѣ. Когда аргивскіе герои удалились побѣжденными изъ подъ Фивъ, то онъ вмѣстѣ со своей боевой колесницей былъ поглощенъ при Исменѣ землею и съ этого времени наследовалъ божескія почести (Любкеръ, cit. op., стр. 67).

⁴⁾ Tiresias (*Τυρσοϊάης*—небесное знаменіе), знаменитый Фивскій прорицатель; онъ ослѣпъ на 7 г. жизни за то, что открылъ людямъ всѣхъ боговъ. По другому разсказу его ослѣпила Лейва, брызнувъ ему водой въ глаза за то, что онъ увидѣлъ ее во время купанія (Ovid., Metam. 31). Харикло умоляла богиню возвратить ему зрѣніе, но такъ какъ она не могла этого сдѣлать, то одарила его способностью понимать голоса птицъ и снабдила его посохомъ, вѣрно указывавшимъ ему дорогу. Существуетъ разсказъ, что его ослѣпила Гера, а Зевсъ далъ ему способность предвѣдѣнія и жпая, равную 7-ми или 9 человѣческимъ жизнямъ. Любкеръ, *ibid.* стр. 10 23.

⁵⁾ Cicero, de divin., cit. op. II, 56, p. 206. 207.: „или я (Виллей) долженъ считать Геродота болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ Эпій: и тотъ могъ измы-

демосфень, зная поддѣльность отвѣтовъ Пифіи, утверждалъ, что она держитъ сторону Филиппа¹⁾. Но въра въ оракулы и прорицанія, охватившая въ ту переходную эпоху весь культурный міръ, не чужда была и христіанскому обществу того времени, и потому раздѣляться съ этимъ сложнымъ вопросомъ двумя-тремя фактами, частію скомпилированными съ Цицерона, было и для Минуція Фелікса не легко. Онъ не вполне отрицаетъ возможность правильности оракульскихъ предсказаній, допуская, что изъ множества ложныхъ предсказаній одно случайно и можетъ попасть на истину, но онъ самъ понимаетъ, что такимъ ужъ слишкомъ наивными отвѣтами нѣкого не удовлетворишь, и съ цѣлю рѣшить намѣченный вопросъ онъ развиваетъ цѣлую теорію демонологіи, имѣвшую очень важное значеніе въ религіозномъ міросозерцаніи христіанъ того времени. Ученіе о демонахъ, ихъ господствѣ въ мірѣ и челоуѣчествѣ получило свое начало въ апокалиптической книгѣ „Тайны Эноха“, сохранившейся до нашего времени на эфіопскомъ языкѣ; создавшееся подъ воздѣйствіемъ вавилонскихъ вліяній, оно вылилось здѣсь въ форму возрѣнія о паденіи высшихъ ангеловъ (*εὐβουροὶ* — хранителей и созерцателей тайнъ Божіихъ), спадшихъ съ неба изъ любви къ челоуѣческимъ женамъ, сочетавшихся съ ними и породившихъ гигантовъ, научившихъ людей вѣмъ порокамъ. Съ легкой руки Іосифа Флавія (*Antiqu. jud.* 1. 4) оно перешло къ христіанскимъ писателямъ, — Іустину Философу (*Ap.* II, 5), Аппинагору (*Suppl. pro christ.* c. 24), Тертуллиану, — вообще во все литературное намятники древняго христіанства, обсуадавшие эту проблемму, и развило въ цѣлую теорію. Впрочемъ, сами христіанскіе писатели, не знакомые съ научной теоріей, пытались производить ее отъ Сосфена, который, по словамъ Минуція Фелікса, съ подобающимъ благоговѣніемъ говорить объ

слать о Крезѣ такъ же хорошо, какъ и Эвій о Пиррѣ? Во-первыхъ. Аполлонъ никогда не говорилъ по латыни; такой родъ рѣчи не слыханъ у грековъ. Кромѣ того, во время Пирра Аполлонъ пересталъ говорить стихи (очевидно. люди дѣйствительно стали менѣе легковѣрны и болѣе разсудительны)“.

¹⁾ *Cicero, ibid.* II, 57. p. 207. Демосфень, Илавеній за 300 лѣтъ ранѣе, говорилъ, что Пифія (начала) ср. *φιλίπποις*, кое-что дѣлать съ Филиппомъ; нужно принять во вниманіе, что она говорила ложь

истиномъ Богъ, признавалъ ангеловъ, служителей и вѣстниковъ истиннаго Бога, присутствующихъ предъ Его престоломъ и трепещущихъ отъ мановенія и взгляда Его; тотъ же магъ говорилъ о демонахъ земныхъ, блуждающихъ туда и сюда и враждебныхъ человѣчеству. Платонъ, почитавшій труднымъ найти Бога, безъ труда разсуждаетъ объ ангелахъ и демонахъ и пытается въ своемъ разговорѣ „Пиръ“ опредѣлить природу демоновъ: она думаетъ, что она есть иѣчто среднее между смертнымъ и безсмертнымъ т. е. тѣломъ и духомъ и состоитъ изъ соединенія земной тяжести съ небесною эфирностью; отъ нея происходитъ въ насъ любовь, возбуждаетъ чувства въ сердцахъ человѣческихъ, волнуетъ желанія въ нихъ и возжигаетъ пылъ страстей (с. XXVI). Но эти немногочисленные аналогіи отнюдь не объясняютъ собой той вполнѣ развитой и законченной теоріи демонологіи, какая наблюдается въ древней христіанской литературѣ. Наиболѣе отчетливое выраженіе она находитъ у Тертулліана. „Мы, христіане,—пишетъ онъ,—утверждаемъ существованіе извѣстнаго рода духовъ. Имя ихъ не пово, такъ какъ и Сократъ совѣщался со своимъ демономъ; бытія ангеловъ не отрицаетъ и самъ Платонъ. Но только изъ Священныхъ Писаній ¹⁾ можно узнать дѣйствительное происхожденіе ихъ,—какъ отъ ангеловъ, развращенныхъ собственной виной, возникъ еще болѣе развращенный родъ демоновъ, осужденныхъ Богомъ вмѣстѣ съ виновникомъ ихъ, называемымъ княземъ. Съ самаго начала злора этихъ духовъ господствовала надъ погубелью чловѣка. Въ нихъ заключается причина несчастныхъ случаевъ всякаго рода, въ особенности же внезапныхъ и случайныхъ потрясеній, сильно ослабляющихъ душу. Благодаря своей тонкости и легкости, будучи невидимы и недоступны наблюденію, эти духи даютъ себя знать, правда, не въ самомъ дѣйствіи, а въ послѣдствіяхъ его, когда напр. необъяснимое лежащее въ воздухѣ зло повреждаетъ древесныя и полевыя растенія въ зародышѣ и во время созрѣванія, или когда испорченный по неизвѣстной причинѣ воздухъ извергаетъ приносящее заразу испареніе. Съ такою же таинственностью заразы дыханіе демоновъ и ангеловъ произ-

¹⁾ Въ священныхъ писаніяхъ, если даже разумѣть подъ ними всю Библию, ничего подобнаго не имѣется.

водитъ различныя болѣзни духа посредствомъ умозступленія, сумасшествія, ужасныхъ и позорныхъ пожеланій. Каждый духъ крылатъ, а также слѣдовательно ангелы и демоны, и потому они во мгновение ока могутъ быть вездѣ. Весь міръ для нихъ одно мѣсто. Что и гдѣ случается, они узнаютъ объ этомъ такъ же быстро, какъ и разглашаютъ. Они умѣютъ проникнуть даже въ намѣренія Божіи, для древняго времени посредствомъ чтенія пророковъ, для новаго изъ чтенія Священныхъ Писаній. Изъ этихъ источниковъ они узнаютъ много касающагося будущаго... Такъ какъ они живутъ въ воздухѣ въ сосѣдствѣ звѣздъ, то они могутъ легко узнавать, что тамъ дѣлается и получаютъ возможность обѣщать урожай, который они предчувствуютъ (Apologet. с. 22. 23).“ Демонология для древняго христіанина служила неисчерпаемымъ источникомъ для объясненія всѣхъ загадочныхъ и ненормальныхъ явленій въ природѣ и исторіи человѣчества. Какъ физическія нестройія въ природѣ, напр., порча въ растеніи или болѣзни въ человѣкѣ вызывались гибельнымъ воздѣйствіемъ демоновъ, такъ и вся прошлая исторія человѣчества сложилась подъ вліяніемъ тѣхъ же демоновъ. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ должна быть поставлена философія религіозной исторіи человѣчества, развитая апологетами. Она проста и не сложна. Вся религіозно-правственная жизнь греко-римскаго человѣчества сложилась и развивалась подъ воздѣйствіемъ демоновъ. „Еще въ древности,—говоритъ Густавъ Философъ (Ар. 1, 5),—злые демоны открыто являясь людямъ, оскверняли женщинъ и отроковъ, паводили на людей поразительные ужасы, такъ что тѣ, которые разумно разсуждали о нихъ, будучи объаты страхомъ, *назвали* ихъ богами и давали имъ то самое имя, какое каждый изъ демоновъ выбиралъ себѣ.“ Въ этомъ своемъ утвержденіи апологеты основывались на Божественномъ откровеніи. „Богъ,—разсуждаетъ тотъ же Философъ въ другомъ мѣстѣ,—сотворившій весь міръ, покоривъ земное царство человѣку и устроивъ небесныя свѣтила для произращенія плодовъ, произведеній и перемѣнъ времени, поставилъ имъ божественный законъ“.. Самъ какъ бы отказался отъ управленія міромъ. Онъ ввѣрилъ попеченіе о людяхъ и поднебесномъ поставленнымъ на то ангеламъ, но ангелы преступили это назначеніе, вошли въ соединеніе съ жнами и родили

сыновъ, называемыхъ демонами. Демоны поработили себѣ родъ человѣческой частію посредствомъ волшебныхъ исцеленій, частію посредствомъ страховъ и мученій, папосимыхъ ими, а частію чрезъ наученіе жертвоприношеніямъ, куреніямъ и возліаніямъ, въ которыхъ они сами возымѣли нужду ¹⁾. Поэты и мифологи все, что ангелы дѣлали съ мужчинами и женщинами, городами и народами, приписали это самому Богу и сынамъ, какъ родившимся отъ сѣмени Его, такъ и отъ такъ называемыхъ братьевъ Его, Посидона и Плутона, а равно и отъ дѣтей ихъ и при этомъ каждаго они называли тѣмъ именемъ, какое кто изъ ангеловъ далъ себѣ и своимъ сынамъ ²⁾. Такъ возникло ученіе о языческихъ богахъ и вся мифологія, рассказываемая поэтами. Демоны же научили и ставить имъ изображенія или идолы, причемъ эти изображенія не только носятъ ихъ имена, но и имѣютъ тотъ самый видъ, въ какомъ они являлись людямъ, и служатъ имъ мѣстомъ явленія ³⁾. Такимъ образомъ какъ по Пустыни, такъ и по другимъ апологетамъ ⁴⁾ боги языческіе и культъ, оказываемый имъ, хотя и ведутъ позорное происхожденіе отъ демоновъ, но имѣютъ *реальное значеніе, дѣйствительно существуютъ и обладаютъ значительной степенью могущества и силы*. Подчинивъ себѣ все человечество и убѣдивши его признать себя за боговъ, демоны держатъ его въ постоянномъ страхѣ и рабствѣ посредствомъ сновидѣній и магическихъ очарованій (Just. Apol. I, 14). Они же являются причиной всѣхъ нестроеній, несчастій, обмановъ и пороковъ въ исторіи и жизни человѣка (Just. ibid.). Ихъ главное дѣло, для котораго собственно и посланы они въ міръ, состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ дѣланіи зла (Tatian, orat.: с. 16). Они показали людямъ порядокъ и расположеніе звѣздъ. Самое распредѣленіе зодіака есть дѣло демоновъ...: они удостоили небесной почести животныхъ, съ которыми явилъ по шлвер-

1) Ср. Тертуллианъ (Apos, с. 27): „демоны любятъ пвтаться дымомъ, состоящимъ изъ жира и крови жертвъ, приносимыхъ предъ стоящими“.

2) Apos, II, 8.

3) Apos, I, 9.

4) За исключеніемъ Тертуллиана и извѣстнаго уже намъ Минупія Феликса, которые, согласно ученію Евгемера, считали языческихъ боговъ обоготворенными людьми. Любопытно, однако, что еще Августинъ боговъ древнихъ римлянъ называетъ *pothi dae mones* (De civ. Dei I. 31).

женіи съ неба, пресмыкающихся, плавающихъ по водамъ, живущихъ на горахъ, помѣстили на небѣ и убѣдили людей, что жизнь на землѣ, чуждая разуму, согласна съ разумомъ, такъ что гнѣвливъ-ли кто или терпѣливъ, воздерженъ или невоздерженъ, богатъ или бѣденъ, такимъ бываетъ не по собственной волѣ, а по назначенію отъ тѣхъ, которые расплагаютъ рожденіемъ (Tatian. orat. с. 8. 9). Они,—демоны,—посѣяли между людьми убійства, войну, любодѣянія, распутства (Iust. Apol. 1, 5); дурные законы также обязаны имъ своимъ происхожденіемъ (Apol. II, 7). По наущенію ихъ Сократъ былъ осужденъ на смерть (Apol. 1, с. 10) и Христосъ распятъ на крестѣ (Ap. 1, 63). Подъ вліяніемъ демоновъ всѣ, старавшіеся жить согласно съ Логосомъ и удаляться отъ зла, были ненавидимы ¹⁾.

Но это не была одна только теорія, но самое жизненное ощущеніе. Весь языческій міръ рисовался въ сознаніи христіанина полнымъ всевозможныхъ таинственныхъ силъ, всюду присутствующихъ, все знающихъ и все направляющихъ къ гибели. Небо и земля и окружающій ее воздухъ находятся въ ихъ власти; всѣ формы жизни заняты ихъ присутствіемъ; они возсѣдаютъ на тронѣ, окружаютъ колыбель младенца и сопровождаютъ человѣка до самой смерти, стараясь въ каждый удобный моментъ нанести ему бѣдъ и разнаго рода несчастія и отвлечь его отъ истиннаго пути. „Міръ стоитъ подъ господствомъ мрачнаго (послание Варшавы)“, „лежитъ во злѣ“—вотъ общее моральное ощущеніе древняго христіанина. Земля есть адъ, хотя она и остается твореніемъ Божиимъ. Было бы несправедливо назвать это явленіе реакціоннымъ, но въ немъ несомнѣнно заключалось пѣчто аномальное въ моральномъ отношеніи... Такое, такъ сказать, чисто-физическое ощущеніе вседѣ присутствія демоновъ должно было поднимать нравственную энергію христіанъ на высшую точку напряженія. Христіанинъ долженъ былъ чутко относиться къ каждому своему шагу, съ первымъ безпокойствомъ стѣдить за каждымъ своимъ дѣйствіемъ, чтобы

¹⁾ Арос. II. 9 ср. II, 7 „а что добрые, какъ Сократъ и подобные ему бываютъ гонимыми и заключены въ узы, а Сардавалъ. Епикуръ и подобные имъ благодѣйствуютъ въ изобиліи и славѣ. то все это происходитъ по дѣйствию демоновъ“.

не заигрывать себя соприкосновеніемъ съ демономъ и не подпасть его вліянію. Извѣстно, что древніе христіане полагали знамя креста повсюду: на порогахъ, на дверяхъ дома, на одеждахъ, на постелю и сосуды, изъ которыхъ они ѣли и пили. Здѣсь сказывалось не одно только благочестіе...

Главнымъ объектомъ, на который направлена преимущественная злоба демоновъ, является человѣкъ. Они подстерегаютъ его на каждомъ шагу и ждутъ только удобнаго момента, чтобы напасть на него и овладѣть имъ. „Неспособствуя по своей злобѣ надъ людьми, они обольщаютъ поникшія долу души разнообразными и коварными ухищреніями и прещетствуютъ имъ возвыситься къ жизни небесной (Tat., ог. 16)“, ихъ самое пріятное удовольствіе и состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ ложныхъ обмановъ отвратить людей отъ мысли и познанія истиннаго Бога (Tertull. Ap. 1, 10). Болѣзни и нестроенія, случающіяся въ человѣческомъ организмѣ, предоставляютъ имъ наиболѣе легкое средство, чтобы поработить себѣ человѣка. Лишь только они замѣтятъ, что человѣка постигла болѣзнь, они нападаютъ на него и бурей своей злобы потрясаютъ весь его организмъ. Достойный всякаго удивленія Іустинъ сказалъ, что демоны подобны разбойникамъ; какъ послѣдніе берутъ живыми нѣкоторыхъ людей, а потомъ за выкупъ возвращаютъ ихъ роднымъ, такъ и демоны, которыхъ почитаютъ за боговъ, вселясь въ тѣло какихъ-либо людей и потомъ посредствомъ сноздѣній внушивъ имъ мысль о своемъ присутствіи, велятъ такимъ людямъ выйти на народъ и, насытившись мірскими веществами, въ виду всѣхъ отлетаютъ отъ больныхъ, возвращаютъ имъ прежнее здоровье, уничтоживъ болѣзнь, которую они сами произвели (Tat. ог. с. 18) 1). При всемъ томъ, самыми печальными людьми для нихъ являлись христіане. На эту почву общехристіанскаго демонологическаго міросозерцанія и встаетъ Мипуцій Феликсъ въ дальнѣйшей части своей полемики съ Фронтономъ. „Есть лихвые нечистые духи, исшедшіе съ небесной высоты въ тѣлу земныхъ страстей. Лишившись чистоты своей природы, осквернивъ себя пороками, сами уже

1) Подробности по этому вопросу см. въ нашемъ этюдѣ: „Вѣра въ демоновъ въ древней церкви и борьба съ ними“, напечатанномъ въ Б. В. 1907, Іюнь, стр. 357—396.

погибшіе, они для утѣшенія себя въ несчастіи не перестаютъ губить другихъ и, будучи отчуждены отъ Бога, усиливается въѣхъ удалити отъ Него, вводя между людьми ложныя религіи (с. XXVI).“ Они вдохновляютъ прорицателей, обитаютъ въ капищахъ, дѣйствуютъ на внутренности животныхъ, руководятъ полетами птицъ, управляютъ жребіями, произносятъ смѣшанныя съ ложью прорицанія. Они отвращаютъ людей отъ неба къ землѣ, отъ Бога къ веществу, возмущаютъ чловѣческую жизнь, причиняютъ всемъ безпокойства и, вселяясь въ людей, какъ тонкіе духи, производятъ болѣзни, паводятъ страхъ на умы, искривляютъ члены... Отсюда и происходитъ все, сказанное Цициліемъ: Юпитеръ, требующій во свѣ игръ въ свою честь, Касторы, являющіеся на коняхъ, лодка, слѣдующая за матропой... (с. XXVII). Въ нихъ же, въ этихъ демонахъ, лежитъ и послѣдній источникъ гоненій, поднятыхъ языческимъ обществомъ и властію на христіанъ, и въѣхъ тѣхъ сплетенъ и басенъ, распущенныхъ въ грекоримскомъ обществѣ на счетъ религіи христіанъ и ихъ богослужебныхъ собраній. „Христіане воздають божескую честь ослиной головѣ“. Но развѣ и язычники не почитаютъ ослонъ въ стойлахъ богини Епоны ¹⁾ и не пожираютъ благочестиво ослонъ вмѣстѣ съ Изидой, не обожаютъ вмѣстѣ съ египтянами быка Аписа ²⁾, змѣй, крокодиловъ, рыбъ и птицъ. Въ греко-римскомъ мірѣ, слѣдовательно, открытое почитаніе ослонъ представляетъ собой составную часть культа, что же касается до христіанъ, то это одни сплетни, пушенные демонами (с. XXVIII).

„Христіанъ упрекаютъ въ почитаніи преступнаго чловѣка“... Здѣсь можно было бы, въ виду серьезности и рели-

¹⁾ Эпона—древне-римская богиня разведенія лошадей, ослонъ и муловъ и покровительница возницъ, поговщиковъ муловъ и конюховъ, чтимая повсемѣстно въ Италиі и романизированныхъ земляхъ. Ея изображенія паходились въ стойлахъ. Почиталась, конечно, богиня, а не ослы. Любкеръ, cit. op. s. 369.

²⁾ Въ египтяне почитаютъ (ἱεῖοσι) мужскихъ и женскихъ ббыовъ и телековъ. Женщинамъ не позволяютъ приносить имъ жертвы, за исключеніемъ посвященныхъ Изидѣ. Изида изображается въ видѣ женщины, украшенной бычачьими рогами. Быковъ же женскаго рода предпочитаютъ всемъ животнымъ. Далѣе идетъ рѣчь о различныхъ формахъ почитанія и употребленія священныхъ частей Аписа, распространившихся по всему міру (Herod. cit. ed., lib. 11, § 41, p. 136).

гіозной важности обвиненія, ожидать отъ Минуція Фелікса основательной и всесторонней отвѣди, если и не вполне выражающей все существо христіанства, то по крайней мѣрѣ слаженной какими-либо болѣе солидными логическими или историческими доказательстами. Однако отвѣтъ его весьма слабъ и ограничивается не многими фразами. „По истинѣ достойнѣ сожалѣнія тотъ, кто все надежды возлагаетъ на смертнаго человѣка, потому что со смертію его прекращается и вся помощь съ его стороны. Вотъ египтяне: они въ самомъ дѣлѣ выбираютъ себѣ человѣка, воздаютъ божескія почести ему, ему одному молятся, къ нему обращаются за совѣтомъ, въ честь его закалываютъ жертвы и онъ, будучи для другихъ богомъ, для самого себя есть невольно человѣкъ 1). „Почитаніе креста“?—да развѣ культъ креста не извѣстенъ самому грекоримскому обществу? Кресты являются составной частью статуй боговъ; побѣдные трофеи (знамена) имѣютъ не только видъ креста, но и распятаго человѣка. Да и въ природѣ?—не наблюдается-ли также подобіе креста, когда корабль несетя съ распущенными парусами, или подходитъ къ берегу съ простертыми веслами. Наконецъ въ фигурѣ человѣка, когда онъ съ распростертыми руками возноситъ молитву Богу, не наблюдается-ли знамя креста (с. XX).

При переходѣ къ опроверженію тѣхъ скандальныхъ сплетенъ и басенъ, какія раепрострапены были въ греко-римскомъ мірѣ на счетъ внутренняго строя и жизни христіанскихъ общинъ, рѣчь Минуція Фелікса пріобрѣтаетъ особую силу, блещетъ разнообразіемъ доводовъ и побиваетъ противника во всѣхъ его пунктахъ. Прогрессивное паденіе общественныхъ и личныхъ правовъ, какое характеризуетъ собой переходную эпоху отъ язычества къ христіанству, давало апологетамъ христіанства обильную жатву для того, чтобы защитить цѣломудренность христіанскихъ собраній и

---

1) Непонятно, какое отношеніе этотъ фактъ имѣетъ къ почитавію христіанъ Христа-Богочеловѣка. Евсевій Кесарійскій приводитъ слѣдующую выдержку изъ письма Порфірія къ Анебону: „египтяне (около страны, называемой Анабомъ) почитаютъ человѣка, отдають ему божескія почести, совершаютъ предъ нимъ священнодѣйствія и возносятъ ему приношенія, возлагаемыя на алтарь“. (Eusebius, Praepar. Evang. III, 4: Migne, gr. s. t. 21, p. 174).

позничтожить своего противника. Въ общемъ апологетическомъ міросозерцаніи источникъ всѣхъ этихъ скандальныхъ обвиненій лежитъ въ тайныхъ козняхъ демоновъ, повсюду преслѣдующихъ христіанина и всѣми мѣрами стремящихся погубить его. Молва, энергично отвѣчаетъ Минуцій Феликесъ, объ особенностяхъ почитанія предстоятелей христіанскихъ общинъ ¹⁾ прилична болѣе безстыдству тѣхъ людей, гдѣ каждый полъ совершаетъ прелюбодѣяніе всѣми своими членами, гдѣ полное распутство носитъ названіе свѣтскости, гдѣ сладострастіе доходитъ до отвратительной гадости ²⁾, гдѣ появляется скука отъ разврата, прежде чѣмъ стыдъ (с. XXVIII). Можно-ли повѣрить тому, чтобы принятіе въ христіанское общество совершалось посредствомъ умерщвленія младенца и его кровью, чтобы кто-нибудь рѣшился умертвить пѣяное молодое тѣло, которое едва можетъ назваться человѣкомъ, пролить его кровь и пить? Христіанамъ не позволено ни видѣть человѣкоубійства, ни даже слышать о немъ. Если гдѣ это бываетъ, то въ языческомъ обществѣ; здѣсь бросаютъ дѣтей на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ (?), нѣкоторыя женщины уничтожаютъ зародышъ будущаго человѣка и дѣлаются человѣкоубійцами прежде рожденія дѣтей. Уроки, располагающіе къ такимъ поступкамъ даютъ сами боги. Сатурнъ не бросилъ, но пожралъ своихъ дѣтей, и потому въ нѣкоторыхъ странахъ Африки родители приносятъ ему въ жертву своихъ младенцевъ, ласками и поцѣлуями стараясь прекратить ихъ плачь, чтобы жертва закалалась безъ плача ³⁾. У жителей Тавриды близъ Понта и у египетскаго царя Бузирیدا существовалъ обычай приносить въ жертву гостей ⁴⁾. Римляне ради жертвъ зарывали мужичицу и женичицу изъ грековъ и мужичицу и женичицу изъ гал-

1) Qui de adoratis sacerdotis virilibus fabulatur.

2) que medios viros lambunt, libidinoso ore inguinibus enhaerereunt.

3) Diod. Bibl.-hist. cit. ed. Lib. I, c. 15; p. 163 „когда карагеняне подпали подъ власть Агаеокла, тирана Сициліи, они подумали, что Сатурнъ разгнѣвался на нихъ, и, такъ какъ онъ прежде пожиралъ дѣтей, то нѣкоторые изъ нихъ похищали тайно дѣтей, вскармливали ихъ и приносили въ жертву (Сатурну).“

4) Бузиридъ, сынъ Египта; его называютъ египетскимъ царемъ, приносившимъ въ жертву чужестранцевъ, посѣщавшихъ его страну. Любкеръ, cit. op. стр. 184.

ловъ¹⁾ и теперь еще римляне почитаютъ Юпитера Ляціара челоуѣкоубійствомъ, Беллона же требовала для возлпванія на ея жертвенники челоуѣческой крови²⁾ (с. XXX). Вотъ гдѣ дѣйствительное дѣтоубійство и челоуѣкоубійство, а не у христіанъ. И при всемъ томъ ихъ обвиняютъ еще въ „беснравственныхъ шршествахъ“. Это тоже изобрѣтеніе демоновъ, пущенное для того, чтобы заняпнать цѣломудренную славу христіанъ позоромъ отвратительнаго безчестія. Достаточно, однако, ознакомиться съ греко-римскою мнѳологіей и трагедіями, что, не говоря уже о людяхъ, сами боги оказывались кровосмѣшниками, соединялись со своими матерями, сыновьями и сестрами. Неудивительно поэтому, что въ греко-римскомъ обществѣ часто наблюдаются кровосмѣшенія и всегда допускаются. У христіанъ же цѣломудріе не только въ лицѣ, но на умѣ; они охотно пребываютъ въ узахъ брака, но для того, чтобы имѣть дѣтей, и потому вступаютъ въ бракъ съ одной женщиной или совѣмъ отказываются отъ брака. Очень многіе отличаются всегдашнимъ дѣвствомъ своего неоскверненнаго тѣла и этимъ не тщеславятся. И собранія ихъ отличаются не только цѣломудренностью, но и трезвешностью: самую веселость они умѣряютъ строгостью, цѣломудренною рѣчью и еще болѣе цѣломудренными движеніями тѣла. И узнаютъ они другъ друга не по тѣлеснымъ знакамъ, а по невинности и скромности. Они питаютъ между собой взаимную любовь, потому что не научились неавидѣть, но называютъ другъ друга братьями, какъ люди одного Отца Бога, какъ сообщники вѣры, какъ сопаслѣдники упованія (*nos... mutuo amore diligimus, quoniam odisse non novimus... nos fratres vocamus, ut unius Dei parentis homines, ut consortes fidei, ut spei coheredes*³⁾ (с. XXXI).

1) Плутархъ говоритъ, какъ о постоянномъ обычаѣ римлянъ, основанномъ на предсказаніяхъ сивиллинныхъ книгъ, что они при наступленіи каждой войны грека и гречанку, галла и галлчанку зарывали въ землю живыми на коровьей площади (Plutarch Chaer., cit. ed., v. II, Marcellus, p. 404)

2) Беллона,—азіатская богиня, введенная изъ Каппадокіи въ Римъ государственнымъ путемъ; каппадокійскіе жрецы, отправлявшіе этотъ культъ, во время богослуженія наносили себѣ раны обоюдоострыми мечами и такимъ образомъ предлагали богинѣ челоуѣческую кровь. Люкеръ, cit. op. с. 170, 171.

3) Ср. Seneca, ep. 95; „мы члены одного (unius) тѣла, природа создала

Христіанъ упрекають въ томъ, что они не имѣють ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни изображеній божества. Но какое изображеніе можетъ быть дано Богу, когда самъ человѣкъ, правильно разсматриваемый, представляетъ собой образъ Божій? и какой храмъ можно построить Ему, когда весь этотъ міръ, созданный его могуществомъ, не можетъ вмѣстить Его? 1) Лучше содержать этотъ храмъ въ умѣ, святить его въ глубинѣ сердца, а потому самая лучшая и угодная жертва Богу,—доброе сердце, чистый умъ, незаятная совѣсть 2). Отсюда и тотъ, кто чтитъ невинность, тотъ молится Богу, кто уважаетъ правду, тотъ приноситъ жертву Богу; кто удерживаетъ отъ обмана, тотъ умилостивляетъ Его. Конечно, христіанскаго Бога нельзя ни видѣть, ни показать другимъ, но во всѣхъ дѣлахъ и явленіяхъ міра усматривается присутствующая сила Его, проявляющаяся въ раскатахъ грома, въ блескѣ молніи, въ тихомъ сіяніи неба 3). Фронтонъ утверждаетъ, что Богъ не знаетъ человѣческихъ дѣйствій и занятый всѣмъ міромъ не можетъ обнимать его частей и обращать вниманіе на цѣлое (с. X). Какимъ же образомъ Богъ далекъ отъ человѣка, когда Онъ, пребывая повсюду, не только

насъ родственными; она внушаетъ намъ взаимную любовь (haec amorem indidit mutuum) и дѣлаетъ насъ товарищами; изъ этого положенія слѣдуетъ и то, что хуже вредить (другому), чѣмъ страдать самому". (Орега, Ер. 95, р. 604, 605).

1) Senec. „куда ни взглянешь, вездѣ видишь его (Бога) присутствующимъ: ничто не свободно отъ него". (Sen. Орега, р. 605).

2) Lactantii opera omnia, rec. Brandt und Lausmann, p. 1, Vindobonae, 1890). „не думаете-ли вы, что понимая Бога, какъ великаго, милостиваго, кроткаго по своему величеству, дружественнаго и всегда близкаго (намъ), должно почитать не жертвоприношеніями и кровію, но чистымъ сердцемъ, добрымъ и благочестивымъ расположеніемъ; не храмы, поднимающіеся въ высоту изъ сложенныхъ камней должны быть воздвигаемы Ему; каждому слѣдуетъ посвящать Ему свое сердце (приводимая Лактанціемъ выдержка заимствована изъ Сенеки (Instit. VII, 25, р. 577. 578). Ср. Cicero, de nat. deor., cit. ed. 11, 28, р. 62. „Культъ боговъ долженъ быть лучшимъ, чистымъ и исполненнымъ благочестія, дабы всегда почитать ихъ чистой и цѣломудренной мыслью и голосомъ“.

3) „Мысль человѣческая существуетъ, хотя ты ее не видишь; такъ ты не видишь и Бога, но какъ ты познаешь свою мысль, такъ и въ воспоминаніи о дѣлахъ изобрѣтательности, быстротѣ и красотѣ силы (міра) познается божественная сила. Liber Tusculanarum disputationum. (Cicero, cit. ed., t. IV, lib 1, 28, р. 248).

близокъ къ человѣку, но и влить въ него (*non nobis proximus est, sed infusus*) ¹⁾. Солнце, утвержденное на небѣ, разливаетъ свои лучи по всеѣмъ сторонамъ, всюду присутствуетъ, всему даетъ себя чувствовать, и никогда не измѣняется его свѣтлость ²⁾. Не тѣмъ-ли болѣе Богъ, творецъ всего и всевидецъ, отъ котораго ничто не можетъ быть тайнымъ, находится и въ помышленіяхъ нашихъ, которыя суть какъ бы тьма ³⁾ (с. XXXII). Христиане не различаютъ племенъ и народовъ и признаютъ весь міръ домомъ одного Бога, такъ какъ Богъ не нуждается въ министрахъ и все находится предъ очами Его ⁴⁾. Отсюда и іудейскій Богъ не есть какой-нибудь специальный, племенной богъ. Онъ—Богъ всеѣхъ, и пока іудеи повиновались спасительнымъ повелѣніямъ Его, они изъ малаго народа сдѣлались безчисленными, изъ рабовъ—царями. И не Богъ іудейскій вмѣстѣ со своимъ народомъ взялъ быть въ плѣнъ римлянами, но они сами оставили его прежде, чѣмъ Богъ отвергнулъ ихъ (с. XXXIII).

Христианское ученіе объ уничтоженіи всего міра огнемъ и продолженіи жизни послѣ смерти не представляетъ собой какой-либо новостн, неизвѣстной древней философіи. Стоики всегда утверждали, что весь этотъ міръ, лишившись влаги, истребится посредствомъ огня (*consumpto humore mundus hic omnis ignesceret*) ⁵⁾. Платонъ училъ, что части міра разрушаются попеременно то отъ наводненія, то отъ воспламененія, и хотя онъ признавалъ міръ вѣчнымъ и неразрушимымъ,

¹⁾ Seneca: „близокъ къ тебѣ Богъ, Онъ съ тобой, внутри тебя (Seneca. cit. ed. ep. 41, 1, p. 454); еще: „Богъ приходитъ къ людямъ и именно потому, что онъ собственень (*proprius*) имъ, съ ходитъ въ людяхъ“ (Annaei Senecae philosophi opera omnia, ed. 3, aucta Fromondi, Antverpiae, 1632; ep. 73, p. 517)

²⁾ Ср. Sen: какъ лучи солнца, хотя и касаются земли, во присутствующи тамъ, куда они посылаются, такъ и духъ обращается съ нами и вичмаетъ нашимъ дѣламъ, не измѣняя своего происхожденія (Opera, cit. ed. ep. 41, p. 544).

³⁾ Senec.: „ничто предъ Богомъ не тайна; онъ присутствуетъ душамъ нашимъ и проникаетъ размышленія наши“ (Opera, cit. ed., ep. 83, p. 345)

⁴⁾ Sen. „не нуждается Богъ въ министрахъ: самъ управляетъ родомъ человѣческимъ, вездѣ и во всеѣмъ присутствуетъ“ (Opera, cit. ed. ep. 2, p. 664).

⁵⁾ Cicero, de nat. deor., cit. ed. II, 46, p. 77: стоическая философія учила, что въ концѣ весь міръ истребится огнемъ (*omnis mundus ignesceret*), когда лишившись влаги (*quum humore consumpto*), ни земля, ни воздухъ не могутъ оставаться въ бытіи.

однако добавляетъ, что уничтожить его можетъ одинъ только Богъ. Ясно, что греческіе философы разсуждали такъ, какъ умствуютъ и христіане. Вотъ напр. Пинэгоръ и въ особенности Платонъ—они передали образованнымъ людямъ греко-римскаго міра ученіе о продолженіи жизни послѣ смерти, хотя и не въ полномъ, а поврежденномъ видѣ. Ихъ заблужденіе состояло въ томъ, что по ихъ мнѣнію *одна* души, по разрушеніи тѣла, продолжаютъ существовать вѣчно, причѣмъ переходятъ въ другія новыя тѣла,—тѣла скотовъ, птицъ, звѣрей, но при всѣхъ этихъ недостаткахъ важно то, что греческіе философы и по этому пункту учили согласно съ христіанами. И въ самомъ дѣлѣ, кто столь глупъ и бессмысленъ, чтобы осмѣлиться говорить, что Богъ, первоначально создавшій человѣка, не могъ потомъ возсоздать его? Не труднѣе-ли дать бытіе сначала, чѣмъ потомъ возвратитъ его. Да и не вся-ли природа внушаетъ мысль о будущемъ воскресеніи? Солнце заходитъ и вновь появляется; звѣзды скрываются и опять возвращаются, сѣмена не возродятся прежде, чѣмъ не сгниютъ. Но смерть? Она скрываетъ за собой нѣчто загадочное... (люди) не столько убѣждены, что уничтожателя послѣ смерти, сколько желаютъ этого (*magis optare, quam credere*), такъ какъ имъ пріятнѣе уничтожиться, чѣмъ воскреснуть для мученія (с. XXXIV).

Пусть никто не ищетъ оправданія или утѣшенія себѣ въ судьбѣ: душа человѣка свободна и въ немъ судятся его дѣянія, а не внѣшнее положеніе. И что такое судьба, какъ не предопредѣленіе Божіе о каждомъ человѣкѣ. Богъ предвидитъ будущее и сообразно съ заслугами и свойствами каждаго изъ людей опредѣляетъ имъ судьбы. Христіанъ зовутъ нищими, но это не позоръ для нихъ, а слава²⁾.—Да и какъ

1) Cicero. de nat. deor., cit., ed., 1, 8; p. 63: Виллей (по поводу судьбы души) „все это кажется болѣе желательнымъ (*magis optare*), чѣмъ осуществленнымъ на дѣлѣ“.

2) По поводу происхожденія этого названія христіанъ „нищими“ можно представить слѣдующія соображенія. По еврейски нищій *ebion* (евіонъ); *mn ebionim* (евіониты). Такъ называется въ церковной исторіи крайняя іудействующая секта, возникшая въ апостольское время и рѣшительно отрицавшая христіанство, не только распространившаяся среди язычниковъ, но и вшедшая себѣ пріемъ между іудеями. Ересологъ Епифаній (Нагг XXXI, 1) говоритъ о Евіонѣ, какъ отдѣльной исторической лич-

можетъ быть бѣденъ тотъ, кто не имѣетъ недостатка, не жаж- деть другое ¹⁾. Никто не можетъ быть такъ бѣденъ, какъ онъ родился (*nemo tam pauper potest esse, quam natus est* ²⁾). Птицы живутъ безъ всякаго послѣдства отъ родителей и каждый день доставляетъ имъ пищу ³⁾. И если люди чувствуютъ недостатки тѣла и терпятъ ихъ, то это не наказаніе, но принадлежность человѣческаго существованія ⁴⁾. Мужество укрѣпляется немощами и несчастіе часто бываетъ школою добродѣтели ⁵⁾. Нельзя думать, поэтому, что Богъ не былъ силенъ помочь христіанамъ или оставить ихъ; Онъ подвергаетъ каждаго испытаніямъ, смотритъ на его нравственное расположеніе и слѣдитъ до послѣдняго вздоха ⁶⁾. Такимъ образомъ, люди испытываются несчастіемъ, какъ золото огнемъ ⁷⁾ (с. XXXVI).

ности и сообщаетъ о немъ цѣльную біографію. Однако, по всѣмъ историческимъ вѣроятіямъ, никакого Евіона, какъ основателя отдѣльной ереси, не было. Имя *evion*, *evionis*, ницій, ниціе, вѣрнѣе всего служило общимъ наименованіемъ всего первоначальнаго христіанскаго общества, возникшаго въ Іерусалимѣ, параллельно такимъ извѣстнымъ названіямъ какъ „галилеяне“, „назореи“. Доказательствомъ этому служатъ слѣдующія данныя: а) ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ, убѣждая ихъ въ своихъ апостольскихъ полномочіяхъ, пишетъ: „Іаковъ, Кифа и Іоаннъ, называемые столпами, подали мнѣ руку общенія, чтобы идти къ язычникамъ: только чтобы вы помнили о *нищихъ* (Гал. II, 10)“. Логическая несуразность неожиданнаго появленія у ап. Павла термина „нищихъ“ объясняется изъ посланія ап. Іакова, главы Іерусалимской церкви, гдѣ всѣ христіане называются „нищими міра сего“ (2, 5). Слова Мннуція Феликса еще разъ подтверждаютъ этотъ фактъ.

1) Senec. Epist. 2; бѣденъ не тотъ, кто имѣетъ мало, но тотъ, кто жа- лаетъ многого (cit. ed. op. 2, p. 389).

2) Sen. Никто не живетъ такъ бѣдно, какъ онъ рожденъ (*nemo tam pauper vivit quam natus est*. Ср. De prov., cit. ed. p. 142).

3) Ср. Sen. Rem. 10, 1, „вѣтъ никакого недостатка у птицъ; изобиліемъ живутъ день (см. Burger cit. op., s. 81)“.

4) Sen. „страдаемъ: не жестокость, а битва“ (De provid., cit. ed., p. 138).

5) Sen; бѣдствіе благоприятный предлогъ для мужества; тѣхъ же, кото- рые оцѣпнѣли въ своемъ излишнемъ счастіи, всякій назоветъ жалкими (De providentia opera, p. 139).

6) Ср. Senec. „однихъ Богъ одобряетъ, любитъ, укрѣпляетъ, наблюдаетъ, испытываетъ; тѣхъ же, которымъ Онъ кажется неблаговолящимъ, щадитъ; слабыхъ сохраняетъ отъ будущаго зла (De prov., cit. ed. p. 138)“.

7) „Какъ золото испытывается огнемъ, такъ храбрые люди несчастіями (De prov., 14)“.

Никто, однако, не терпитъ такихъ испытаній, какъ христіане... Зато какое прекрасное зрѣлище для Бога, когда христіанинъ борется со скорбью, когда онъ твердо стоитъ противъ угрозъ, пытокъ и казней, когда онъ смѣется надъ страхомъ смерти и не боится палача, когда онъ сохраняетъ свободу предъ царями и владыками и преклоняется только предъ Богомъ ¹⁾. Не сами-ли римляне превозносятся до небесъ, папр., Муція Сцеволу, который промахнувшись убить царя, неперемѣнно погибъ бы среди непріятелей, если бы не свегъ на огнь правой руки. А сколько христіанъ безъ малѣйшаго стопа претерпѣли сожженія не только рукъ, но и всего тѣла. Терпящіе казни мушны еще могутъ напоминать собой Муція, Аквилія или Регула ²⁾, но у христіанъ страдаютъ не только мушны, но и отроки и женщины, вооружившись терпѣніемъ въ страданіяхъ, презирають кресты, пытки, звѣрей и всѣ ужасы казней (с. XXXVI).

Что еще остается пужающимся въ защитѣ въ области христіанской вѣры? Самыя ничтожныя вещи... Христіане не вкушаютъ ни жертвеннаго мяса, ни жертвеннаго вина, — и это вовсе не потому, чтобы они считали произведеніе природы, созданное Творцомъ, чѣмъ-либо оскверняющимъ, а лишь въ цѣляхъ отстранить всякую мысль о томъ, что христіане уступаютъ демонамъ, которымъ приносятся эти жертвы. Они также не пренебрегаютъ цвѣтами, какими даритъ природа, срываютъ розы и лиліи и другіе цвѣты пріятнаго вида и запаха, раскидывая ихъ для благоуханія и смелая изъ нихъ вѣнки на шею. И если мы не кладемъ вѣнки на свои головы ³⁾, то извините насъ,—говоритъ Мишудіи Феликсъ

1) „Вотъ достойное зрѣлище, какое созерцаетъ внимающій своему дѣлу Богъ, храбрый мужъ, вступившій въ состязаніе со своей злой судьбой, хотя бы онъ и самъ вызвалъ ее“ (De prov. 141) „я не удивляюсь, если Богъ иногда создаетъ поводъ для созерцанія великихъ людей, борющихся съ какимъ-либо несчастьемъ (De prov. p. 142).

2) Ср. Senec. „Судьба испытывается огнемъ въ Муціи, бѣдностью въ Фабриціи, пытками въ Регулѣ. Развѣ Муцій можетъ быть названъ несчастнымъ потому только, что онъ свою правую руку отдалъ огню врага, за то самъ освободился отъ преступленій своего заблужденія (De prov., p. 141).

3) Вѣнки на голову полагались при свадебныхъ торжествахъ, при встрѣчѣ высокопоставленныхъ особъ, въ дни торжествъ императоровъ и мѣстныхъ праздничныхъ дней и вообще составляли любимое украшеніе

по адресу язычниковъ,—мы имѣемъ обыкновеніе пухать за-
пахъ хорошихъ цвѣтовъ обоняніемъ, а не верхушкой головы
и волосами. Христіане не возлагаютъ вѣнковъ и на умер-
шихъ, потому что цвѣты блаженному вовсе неужжны, а не-
счастному не доставятъ радости, не кладутъ этихъ увя-
дающихъ вѣнковъ на умершихъ и потому, что падѣются
получить отъ самого Бога неуvidaющіе вѣнцы. Скромно съ
упованіемъ на милосердіе Божіе они живутъ надеждой бу-
дущаго блаженства, по вѣрѣ въ величіе Божіе, открываемое
въ настоящемъ мірѣ. Пусть Сократъ, аѳинскій говоритъ,
громко признается, что онъ ничего не знаетъ; пусть Симо-
нидъ отстраниваетъ время для рѣшенія даннаго ему вопроса.
Христіане презираютъ гордость философовъ—этихъ развра-
щенныхъ людей, прелюбодѣевъ, тиранновъ, краснорѣчиво
обличившихъ пороки, которыми сами были заражены. Хри-
стіане представляютъ мудрость не во вѣшнемъ видѣ, а въ
своей душѣ, и ихъ лучшей похвалою является то, что они
достигли того, чего искали съ успѣхами все философы и не
могли найти. Лишь среди христіанъ и въ лицѣ ихъ откры-
лось древнему міру познаніе истиннаго Бога. Чего же еще
имъ больше желать. „Будемъ пользоваться нашими бла-
гами,—восклицаетъ въ концѣ своей рѣчи Октавій—Минувцій,—
будемъ держаться правила истины: да прекратится суевѣріе,
да посярмится нечестіе, да торжествуетъ истинная религія
(с. XXXVIII)!“

При всей своей близкой зависимости отъ творенія Цице-
рона и Сенеки, апологія христіанства, составленная Мицу-
ціемъ Феликсомъ, проникнута оригинальнымъ характеромъ
и поражаетъ читателя своеобразностью воззрѣнія, развитаго
здѣсь на христіанство. Кунъ, назвавшій его твореніе „язы-
ческо-религіознымъ пониманіемъ христіанства“, схватилъ
самую суть дѣла. Догматическій элементъ въ немъ совер-
шенно отсутствуетъ, никакихъ цитатъ на Евангеліе не встрѣ-
чается и о Христѣ онъ говоритъ только мимоходомъ. Это
морально-философская религія, основанная на стоической си-
стемѣ въ ея лучшихъ представителяхъ. Изъ сочиненія Ци-

голова въ древности. Въ первыхъ трехъ случаяхъ возпошеніе вѣнковъ
на голову связывалось съ языческими обрядами, и потому вызывало
отвращеніе у христіанъ.

церона: „О природѣ боговъ“, онъ воспользовался только изреченіями Бальба, защитника стоической философіи, изъ Сенеки же, одного изъ самыхъ религіознѣйшихъ стоиковъ, онъ избираетъ мѣста, наиболѣе сродныя христіанству: и то ученіе о Богѣ и Его Логосѣ, выдаваемое подъ именемъ христіанскаго, какое онъ развиваетъ въ 18 главѣ, есть только воспроизведеніе основныхъ тезисовъ стоической теологіи. Теоретическая противоположность между христіанствомъ и эллинизмомъ почти исчезаетъ. Всѣ выдающіеся философы древности, учившіе о началѣ вещей, Богѣ и мірозданіи, высказывали тѣ же самыя воззрѣнія, какія проповѣдуетъ и христіанство. О Фалесѣ Милетскомъ онъ въ особенности замѣчаетъ, что мысль „о водѣ и воздухѣ слишкомъ возвышенна и глубока, чтобы быть изображенной человѣкомъ: она внушена Богомъ“; ученіе Платона почти можно назвать небеснымъ, и, подводя итоги многочисленнымъ выдержкамъ изъ древнихъ философовъ, онъ формулируетъ общій результатъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ для христіанина словахъ: „или пылнѣйшіе христіане—философы или философы были христіанами (гл. 19)“. Этотъ тезисъ подобія или сходства между эллинизмомъ и христіанствомъ послѣдовательно проводится по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ полемики его съ Фронтономъ (о сгорѣніи земли, о продолженіи жизни души и тѣла по смерти—гл. 34; сюда же отчасти можно причислить и отдѣлы о почитаніи ослы, гл. 28; о крестѣ—гл. 29; и даже о поклоненіи преступному человѣку—гл. 29). У него, какъ и у Тертулліана, обильно воспользовавшагося трудомъ Минуція Феликса, общая схема полемической діалектики можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ тезисомъ: „у насъ такъ, а у васъ тоже, только въ худшемъ видѣ“.

Религія Минуція Феликса, какъ и у стоиковъ, индивидуальна; она есть религія личности, а не общества и культуры. Какъ образъ Божій, человѣкъ стоитъ въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ: Богъ близокъ къ нему, внутри его, и въ этомъ чисто-физическомъ ощущеніи близости Божества человѣкъ почерпаетъ свою религіозную и нравственную энергію.

Эта морально-религіозная сфера и остается той гранію, которая проводитъ рѣзкую черту между эллинизмомъ и христіанствомъ, и въ этой области Минуціи тоже оригиналенъ:

отдѣлы, посвященные этому вопросу блещутъ силой логики и энергіей слова. Но къ сожалѣнію, полемика Мишуція останавливается лишь на крайнихъ и произвольно выбранныхъ фактахъ и предлагаетъ характеристику нравственнаго состоянія общества, разукрашенную въ тенденціозныхъ цѣляхъ. Вѣкъ Мишуція Фелликса, вѣкъ процвѣтанія и популяризаціи моральной проповѣди стоицизма, въ исторіи духовной культуры эллинизма и являлся именно поворотнымъ пунктомъ къ нравственному и религіозному подъему лучшихъ его представителей.

Разсматриваемый въ общемъ діалогъ М. Фелликса можетъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ художественныхъ и литературно-обработанныхъ произведений, какія рѣдко встрѣчаются въ христіанской литературѣ, интересуется читателя и оставляетъ по себѣ эстетическое наслажденіе. Его полемика съ эллинизмомъ отличается тонкимъ дипломатическимъ тактомъ, ведется съ замѣчательнымъ джельтменствомъ и рассчитана на то, чтобы не будить страсти своихъ читателей среди современнаго ему культурнаго общества. И если бы какой-либо изъ его противниковъ случайно ознакомился съ содержаніемъ его труда, онъ нашелъ бы въ немъ только сродное и близкое себѣ.

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
